

ЛЕНА ФАРТ

МОЛОДЁЖНАЯ
ПРОЗА

ВСЕ
оттенки
ЗОЛОТОГО

Лена Фарт

Все оттенки Золотого

<https://litres.ru/74487403>

Аннотация

Снайпер – мой анонимный друг на протяжении трёх лет. Я случайно узнала его имя и институт, где он учится. Поступила туда же в надежде сделать ему сюрприз, ведь он-то не знает, кто такая "Малина". Вот только он популярен, а я так... блоха, как говорит его брат-близнец.

ОДНОТОМНИК ХЭ

История Соньки: История Лины и Дани:

Содержание

Пролог	5
1	8
2	13
3	19
4	25
5	31
6	36
7	42
8	50
9	55
10	61
11	67
12	71
13	76
14	81
15	86
16	91
17	95
18	100
19	105
20	110
21	115
22	120

23	125
24	129
25	135
26	140
27	145
28	150
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Пролог

Внимание! Данная книга предназначена исключительно для читателей старше 18 лет. В тексте присутствует: ненормативная лексика, откровенные сцены, сцены курения и распития алкоголя. Книга не имеет намерений оскорбить или задеть чьи-либо чувства, взгляды или убеждения. Все события, места, персонажи и диалоги являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми или ситуациями случайны. Произведение предназначено исключительно для развлекательного характера.

– Подвинься, очкарик, – этот голос во мне вызывает неконтролируемую дрожь.

Я чувствую толчок в бок, и меня ведёт в сторону, отчего я роняю поднос себе под ноги. И вся очередь начинает шептаться, пока я густо краснею под их смешки. Ощущение предстоящих слёз давит на меня, как и зародившаяся в груди злость.

Я устала от егодурацких издевательств, которые длятся уже две недели. С того момента, как я впервые подошла к зданию университета и открыла дверь. Он тот, кто подвиг всех моих однокурсников считать меня никчёмной блохой – капитан футбольной команды, не способный мыслить разумно. Хам!

Мои руки неприятно дрожат, когда я наклоняюсь за подносом, сдерживая ненавистные слёзы. Обидно до жути. Но тут моих волос кто-то невесомо касается, после оттягивая тёмную прядь. И это конечно он – дурак.

– Не обязательно у меня в ногах ползать, очкарик, – очередное оскорбление в мою сторону, за которым следует уже оживлённый смех студентов, и я не выдерживаю. Выхватываю взглядом ближайший стакан с компотом и поднимаюсь на ноги. Достая свою никчёмную смелость из глубины души и, схватив стакан, разворачиваюсь. Натыкаюсь на спокойные янтарные глаза хама и обливаю его ещё тёплой жидкостью, пока не передумала.

Он явно не ожидает от меня подобного, поскольку удивляется и поднимает брови. Его белая рубашка вся в разводах.

– Ты чуток перепутала, очкарик, – слышу насмешливый знакомый голос сбоку и резко поворачиваю голову на звук. Встречаю весёлый взгляд этого дурака и мой пульс учащается.

Что?..

Медленно возвращаю взгляд на парня перед собой, которого облила. Сердце в пятки падает от осознания. В его глазах злость, а в моих растерянных – готовые вырваться наружу слёзы.

Не оборачиваясь, бегу под оглушительную тишину столовой, а потом до меня доносится извиняющийся голос капитана футбольной команды:

– Бля, Глеб, сорян. На, возьми мою футболку.

А следом одобрительные вздохи и улюлюканье студенток.

Глеб... Снайпер.

Приветствую, дорогие читатели!

*Добавляйте историю в библиотеку, чтобы не потерять,
а также ставьте лайки и оставляйте комментарии## Приятного чтения##*

Делаю плавное движение бёдрами сначала в одну сторону, затем в другую. Не торопясь, медленно поднимаю руки вверх, по дороге касаясь пальцами бёдер, талии и рёбер. Поворачиваю голову вбок, делая мягкий шаг в сторону, а затем, согнув немного колени, выгибаюсь назад, вытягивая руки.

В наушниках играет чувственная мелодия, заставляя меня улыбаться, а передо мной напольное зеркало в белой тонкой раме, которое помогает оттачивать новое хобби и быть движениям чище.

Взгляд скользит влево, натываясь сначала на персиковые обои, а после выхватывает мольберт в углу. И губы расползаются в улыбке ещё шире, когда я вижу портрет Снайпера. Правда это быстро проходит, так как кто-то толкает меня в плечо, а мелодия в наушниках резко пропадает.

– Воробьёва, едрить колотить!

От страха по позвоночнику пробегают противные мурашки, и я падаю на попу, при этом хватаясь за сбившееся сердце, а рот открывается в немом крике. Но это быстро проходит, и я успокаиваюсь, потому что вижу Катю, которая стоит передо мной, уперев при этом руки в бока. Делаю глубокий вдох и, закрыв рот, поднимаюсь с пола.

– Если я стану зайкой...

– Ц. Я тебя кричу, кричу. Смотри сколько пота натанце-

вала уже! – возмущается моя подруга и по совместительству соседка Катька. – Сама бы я это всё не дотащила, так что пришлось вызывать такси. Водитель даже до квартиры донести помог, – она разворачивается в сторону коридора и жестом приглашает меня за собой. – Пойдём, я купила кучу всего самого необходимого.

Катька – первая красавица в нашей родной деревне. Она хоть и из обеспеченной семьи, падкая на шмотки и натуральная высокая блондинка, но деревни в ней дофига и больше.

Про меня так трудно сказать, ведь все, с кем я общалась после смерти бабушки, это Катька и Снайпер – мой анонимный бро. Только они знают меня настоящую. Для всех остальных я тихая и скучная. Даже для Оксаны – сестры отца, что оформила надо мной опеку в прошлом году.

После бабушки мне приходилось жить с папой и мамой, которые и имени моего не помнили. Да и трезвыми я их не видела. Я прожила с ними четыре года. Четыре адских года голода и холода! Уже под конец и вовсе жила у Катьки. Её мама меня обожала, хотя возможно, что просто жалела.

– Вот. Этот тебе, этот мне, – она делит рюкзаки, сумки и канцелярию на две огромные кучи прямо в коридоре на полу, пока я взираю на это всё с неприкрытым удивлением.

Офигеть. Ну и набрала самого необходимого...

– О, примерь-ка, – она бросает в меня светло-розовую вещь с этикеткой. Пялюсь на ценник и моё искреннее удивление превращается в гримасу ужаса. – Всё, Златка, не душ-

ни, – заключает подруга, даже не взглянув на меня, всё также продолжая разбирать многочисленные пакеты.

Вещица в моих руках оказывается свитшотом, на груди которого нарисованы ягодки малины. Ну что за красота! Гримаса ужаса слетает с моего лица, и на смену ей приходит неподдельное восхищение.

– Нравится? – спрашивает Катька, отвлекаясь от своих сортировочных дел, и смотрит на меня. – Ты ж моя хорошая... Я как чувствовала, что ты от розового поплывешь, – заключает с видом знатока и, подмигнув, отворачивается.

Ну что за девчонка! Всё-то она знает. Обожаю этот её характер, что полностью отличается от моего, но это только укрепляет нашу дружбу. С ней не раскиснешь.

Немного позже я сижу на диване, закинув под попу ноги, и рисую в своём скетчбуке. Его мне подарила Сонька, когда пару недель назад провожала меня с тётей Таней на поезд в Москву. Тринадцатилетняя рыжая девчонка, благодаря которой я узнала, кто мой бро Снайпер.

Закончив с прорисовкой ключиц, я тянусь к столику за чашкой мятного чая, пока он не остыл окончательно. Могу забыть обо всём на свете, когда погружаюсь в рисование.

– Оп, оп. Что это у нас? – Катька, не теряя времени, хватывает мой скетчбук и пялится на уже знакомое лицо. – Ух, теперь он улыбается.

Она меня смущает своими подмигиваниями до беспредела. Ни стыда, ни совести!

– Так, – оставив чашку в покое, я забираю своё сокровище и, закрыв его, киваю в сторону телевизора. – Серил свой пропустишь.

– Да ладно тебе! Жду не дожусь, когда вы встретитесь в живую. Вот это на серил точно потянет, – и ржёт. Смешно ей.

Ну да, ну да. Красавчик Глеб Золотой и скучная Злата Воробьёва.

Вообще, когда я узнала, что Снайпер, с которым я анонимно дружу уже три года, это Сонькин брат, я была так скажем – поражена. А узнала я это в начале года.

Естественно, я Соньке не сказала, но тайно ждала его приезда. Пересмотрела кучу его фотографий у них дома. Правда различить их с его братом-близнецом я не смогла, но имя точно знаю – Глеб.

Только вот за семь месяцев он так и не приехал. Тётя Таня с мужем и Сонькой сами ездили к детям.

Потом мне предстояло определиться с выбором института. Я уже знала, что Глеб учится на графическом дизайне, но где – не знала. Он писал лишь о специальности. Я тоже хотела, так как рисование – это то, что получается у меня лучше всего. Особенно люблю придумывать что-то новое. В детстве, когда я жила с бабушкой, то часто рисовала платья, что на мой детский взгляд подошли бы куклам больше, чем покупные. Потом я передавала свои рисунки бабушке, а она превращала их в реальность.

Трудности возникали при выборе самого института. А тут... тётя Таня всю кантору спалила за разговором новостью о том, где учится её сын Глеб, когда мы с Оксаной пришли к ним в гости. Да и, когда Катька сказала про Москву, мы решили ехать вместе. А её родители и моя Оксана сняли нам квартиру.

И вот я тут.

Вечером перед сном я слышу уведомление на телефон. От Снайпера. У меня на него отдельный сигнал стоит, и я сразу снимаю блокировку, впиваясь в экран.

Снайпер: «Доброй ночи, Малинка. Готова грызть гранит науки?»

От волнения грудь ходуном ходит, а в коленках волнующая дрожь.

Офигеть. Уже завтра я увижу его в живую.

Я лежу на кровати в обнимку со скомканным махровым пледом и смотрю в потолок. Белый матовый натяжной потолок. Думаю, до будильника ещё как минимум пару часов. За окном уже во всю ярко светит утреннее солнце, но я вижу лишь блики на стенах, что проскальзывают сквозь проёмы тёмных штор.

Я так и не смогла заснуть. Сначала до двух часов ночи переписывалась со Снайпером, а потом ещё пару часов представляла нашу первую встречу. И, как ни странно, сна ни в одном глазу. Наверное, это всё из-за волнения в груди.

Тело начинает ныть от долгого лежания и поэтому мне приходится всё же подняться. В зеркале, что висит в ванной комнате я обнаруживаю у себя под глазами очень даже заметные синяки от недосыпа. Вою в голос от бессилия.

И как я перед Глебом покажусь?..

Идея приходит почти мгновенно. Аккуратно захожу в комнату Катки и тихонько, чтобы её не разбудить, стаскиваю её косметичку.

Блин. Мне приходится идти на крайние меры. Я ведь в отчаянье!

Опыта в нанесении макияжа у меня совсем нет, из-за чего минут через пять я вся уделана в тональном креме, а ещё консилере и корректоре. Делала-то всё наобум, ведь если по-

прошу Катю, то это затянется надолго, да и в итоге на меня в зеркале будет смотреть кто-нибудь другой. Однажды было такое. На выпускном в девятом классе.

Посмотрев на то, что у меня в итоге вышло, я обречённо выдохнула.

И какая из меня художница?..

Но когда я надела очки – вид преобразился. Теперь моё безобразие не сильно бросалось в глаза. Издалека даже синяков не видно, так что я, улыбнувшись своему отражению, понесла косметичку на место.

Вернувшись в свою комнату, услышала уведомление от Снайпера. Волнующие мурашки дружно пробежались по позвоночнику, и я побежала к телефону.

Снайпер: «Проснулась?»

Малина: «Да;))»

Снайпер: «Доброе утро! Долго будем играть в анонимов? Скажи хоть, куда поступила?»

Сердце радостно скачет по грудной клетке, пока я, закрыв рот рукой, прыгаю от счастья. Он хочет познакомиться в живую?

Малина: «Доброе! Графический дизайн. Ты же знаешь!»

Снайпер: «Малинка...»

Он всегда так пишет, когда я увиливаю от ответа. Конечно, он имеет в виду не специальность, а вуз.

Ну уж нет! Будет тебе сюрприз!

Откладываю телефон, так и не ответив на последнее сооб-

щение, а затем снимаю с сушилки свой новенький свитшот с малинками, который теперь пахнет не магазином, а нежным ароматом цветочного кондиционера.

В институте нет дресскода и можно приходить в повседневной одежде. Сегодня первое сентября и хотелось бы чего-то праздничного, но у меня такого нет. Какое-то всё спортивное, что ли. Достаяю к свитшоту голубые широкие джинсы. Мне, скорее всего, в них будет жарко, но не в шортах же идти?

Аппетита нет, но адреналин в крови не даёт сидеть и ждать предстоящей встречи, поэтому я иду готовить Катьке завтрак – яичницу с помидорами и сыром. Себе же варю кофе, а то вдруг после встречи с Глебом расслаблюсь и засну из-за сегодняшнего недосыпа.

Так задумываюсь во время готовки, что в итоге на столе стоят ещё и бутерброды с малосолёной рыбкой и овощной салат.

– Добренькое, – в кухню входит сонная Катька, зевая на ходу. – Есть чего съедобного? – она открывает глаза полностью, когда её нос чувствует это съедобное. – А ты чего так рано встала? Ещё и приготовить успела... – она удивляется и садится за стол, тут же протягивая мне руку. Беру из ящика вилку и передаю ей. – Волнуешься перед встречей со своим анонимом? Ммм, заебумба, – прикрывает глаза, медленно жуя яичницу, и откидывается на спинку стула в блаженстве. – Приятного аппетита, – хмыкаю, а затем сажусь напротив

неё со своей чашкой крепкого кофе.

В итоге мы жестко опаздываем. В Москве находимся всего неделю, но ощущение, что время тут бежит быстрее. Катька красилась на полчаса дольше, хотя говорит, что выполняла все те же действия, что и раньше. Из-за этого я забыла телефон дома, и меня это немного злило, хоть я и спокойная сама по себе. Просто предстоящая встреча с Глебом меня выбивала из колеи, да и недосып сказывался.

Университет огромный, с несколькими корпусами и факультетами. Катька поступила на журналистику. Пары будут у нас в разных корпусах, и видаться мы будем разве что в столовой на большой перемене. Если бы не дружба с Глебом, мне было бы некомфортно одной передвигаться по своему корпусу.

Мы опаздывали всего на десять минут, но у центрального входа было пусто и тихо. Разве что парковка забита машинами. А уже это значило, что в самом здании находится много народу.

Поднимаюсь по ступенькам через одну на крыльцо главного общего корпуса. Тяну входную дверь на себя, но она слишком легко поддается, из-за чего больно ударяет по всему телу. И если бы не Катька, я бы уже точно валялась на ступеньках.

Ошарашенно пялюсь на толпу ребят, что вышли нам навстречу, и замечаю среди них Снайпера. Точно его, потому что Егор – его брат-близнец учится не в этом университете.

От вида его улыбки и звука его смеха мой желудок делает кувырок, а рёбра, кажется, сжимаются, пытаюсь удержать бешено колотящееся сердце. Я начинаю широко улыбаться, готовая выдать ему свою тайну, но тут он, закончив смеяться со своими друзьями, переводит взгляд на меня.

– Чё лыбишься? Проход освободи.

Сначала моя улыбка начинает гаснуть, а потом я думаю: «Точно! Он же не знает, что Малина – это я, вот и не признал».

Отлипаю от Катки и заметно дрожащими руками поправляю свитшот, как бы убирая с него невидимые пылинки.

– Привет, – говорю высоким и радостным голосом. Снайпер. Я мечтала семь месяцев встретиться с ним, нарисовала множество его портретов. Катка вообще считает, что влюбилась. Хотя это не правда.

– Свали, очкастая, – произносит он с пренебрежением и отпихивает меня в сторону, отчего мои очки слетают и падают на напольную плитку. Пару девушек, что находятся рядом с ним, смеются.

Так и стою с улыбкой, не в силах ослабить мышцы лица. А когда Снайпер и его друзья спускаются по лестнице, второй парень останавливается и, обернувшись, говорит:

– Привет. Хочешь, пожалею тебя? – он подмигивает. Снова раздаётся противный смех.

– Больно она нужна, чтобы жалеть её. Ещё блох подцепишь, – усмехается Снайпер.

Смех становится громче, и я чувствую, как Катька сжимает мои плечи, стоя за моей спиной. Резко поворачиваюсь к ней и затыкаю её рот ладонью, так как чувствую, что она хочет что-то крикнуть.

– Не надо, – шепчу. – Он просто не знает, кто я. Напишу ему сегодня и всё выясню, – улыбаюсь, не давая ей повода для переживаний.

В груди образуется тревога. Жгучая, мучительная. Но дружба в три года не даёт мне раскиснуть, и я, отбросив все пессимистические мысли, захожу в корпус.

Катка злилась и бубнила мне в ухо, пока ректор произносил приветственную и напутствующую речь для всех студентов, стоя за трибуной в просторном и светлом зале. Я не слушала их обоих, так как была глубоко погружена в свои мучительные мысли.

Я точно не понравилась Снайперу. А что, если он не захочет общаться со мной?.. Вот узнает, что Малина – та самая «очкастая», да ещё и с блохами... Полный провал. Я думала, что он дружелюбный. По крайней мере, в своих сообщениях он добрый и понимающий. И поддержит, и выслушает. Когда нужно – даст совет.

После выступления ректора я всё с таким же мыслительным процессом сижу в кабинете своего корпуса на «классном часу». Прямо, как в школе. Приходится собраться и сконцентрироваться на речи четверокурсницы, что, как оказалось, будет нашим куратором.

– Меня зовут Протасова Вика. По всем учебным вопросам можете смело обращаться ко мне, – она мило улыбается, окидывая нас всех взглядом.

Смотрю на нее и думаю о том, какая же она красивая. Невысокого роста, утонченная брюнетка с высоким хвостом на голове, который достигает талии. Не то, что я – метр семьдесят три. Катка тоже высокая, а как каблуки наденет, то

всё – становится выше всех в радиусе ста метров точно. Ещё и не каждый парень ей под стать будет.

Пока группа увлечённо выбирает старосту и его зама, я смотрю в толстую тетрадь перед собой, где записывала информацию, поступающую от Вики. Одной рукой поправляю тёмные распущенные волосы, застенчиво прикрывая трещину на очках, что образовалась после их падения. Она небольшая и находится рядом с оправой, но стыд всё равно держит в тисках. Не хочу привлекать лишнее внимание и быть предметом насмешек.

Ни в деревне, ни в городе, где живёт Оксана, надо мной не издевались в школе. При том, что все знали о моих родителях. О том, из какой я неблагополучной семьи. Буду придерживаться такой же тактики, чтобы и тут спокойно доучиться – буду тихой и незаметной.

Снайпер тоже знает про моих родителей. Он поддерживал меня, я ведь познакомилась с ним как раз в период, когда жила с ними.

– Тогда решено! – громко говорит Вика, чтобы её услышала оживлённая группа студентов. – Люба Малинина – староста, а Тимофей Агапов – её зам.

Поднимаю взгляд и слежу за направлением руки Вики, чтобы посмотреть на этих двух ребят. Девушка с причёской каре и светлым серебристым цветом волос как раз встаёт из-за стола, чтобы всем представиться ещё раз. На ней голубая шёлковая блузка, белые брюки и лодочки на каблуке. Ти-

мофей Агапов – брюнет в малиновом пиджаке и клетчатых штанах. Мне кажется, его образу подошли бы очки в чёрной оправе, но и без них неплохо.

Окидываю окружающих меня одноклассников робким взглядом и унываю всё больше и больше. Чувствую, как мои губы складываются в жалостливую улыбку. Жалость к себе, конечно же. Первого сентября все вырядились, кроме меня.

В группе плюс-минус тридцать человек, и большая часть – девушки. Видимо, на дизайнеров парни неохотно идут. Хотя... Снайпер вот прямо живёт этим. Придумывает и создаёт внешность персонажам к компьютерным играм. Мы знаем друг о друге многое, кроме имени и местонахождения. Правда теперь я и это знаю.

– Люба, подготовь список своей группы и раздай копии преподавателям. И вот, – Вика Протасова кладёт несколько листов А4 на первую парту, за которой сидит наша староста. – Это кружки и секции нашего универа. К концу недели передай мне списки желающих. А вот эти правила изучи и всем расскажи, – она указывает пальцем на один из листов, которые Люба Малинина перелистывает. – Это правила: опоздания, прогулы, долги по учёбе и всё в этом духе.

Вика гладит свой хвост и, откинув его за спину, присаживается на преподавательский стол. Складывает руки на груди и, пожав плечами, произносит:

– Ну, в общем-то всё.

– Поняла, – кивает и улыбается Люба.

– А. Ещё добавь меня в ваш чат, как только создашь его. Запиши мой номер.

Закончив, Вика Протасова удаляется, а староста устраивает перекличку. Лишь через полчаса после этого я выхожу из своего корпуса.

Наверное, Катька уже дома.

В правом плече резко чувствую боль и отшатываюсь в сторону. От меня отскакивает футбольный мяч. Это действие заставляет вынырнуть из своих мыслей, и я только сейчас замечаю студентов на спортивной площадке неподалёку.

– Эй, очкарик! Верни мяч!

Слышу голос Снайпера и поворачиваюсь к нему. Он уже переодет в шорты и майку. Смотрит на меня с поднятой вверх рукой, как и ещё несколько парней.

– Ты оглохла там?

– Да она глаз с тебя не сводит! – кричит один из парней.

Пару раз моргаю, сняв с себя оцепенение. Действительно, засмотрелась. А как не засмотреться? Я его рисовала столько раз, что знаю каждую чёрточку.

Как-то раз мы с Сонькой играли у неё дома в приставку, и когда она отлучилась, я сфотографировала на свой телефон одну из фотографий, что висели в гостиной. Лишь на этой фотографии я точно знала, что изображен именно Глеб, а не Егор.

И вот сейчас, понимая, что мой рот приоткрыт, а на меня смотрит толпа накачанных парней, я резко его закрываю, из-

за чего зубы противно бьются друг о друга, а после бегу к укатившемуся мячу.

– О нет! Ещё я блох всяких не катал! – смеётся Снайпер, и мой бег превращается в неуверенный шаг.

Губа нервно задрожала, а лицо начало безумно гореть. Жуткий стыд. Я трусливо разворачиваюсь в другую сторону и под возмущения и дикий смех быстрым шагом ухожу прочь. Ещё и не в ту сторону, где находится наша с Катькой съёмная квартира. Пришлось делать круг, из-за чего дорога домой заняла полчаса, вместо обычных десяти минут.

– Чего кислая, как лимон? – спрашивает Катька, как только я захожу в квартиру. Точнее сказать – понуро плетусь. – Ты поговорила с Золотым, и он разорвал вашу крепкую дружбу? – она широко распахивает глаза и кладёт руку на грудь. – Вот же гадина такая!

Катька, как всегда, бежит впереди паровоза. Сама спросила, сама предположила, и сама сделала вывод.

На моих губах появляется уставшая улыбка.

– Хочу спать, – говорю я, когда захожу в свою комнату и ощущаю, что Катька бежит следом. – А, нет, – торможу посередине комнаты, из-за чего она врезается мне в спину и шипит. – Сначала пообедаю.

Слышу знакомый звук уведомления и забываю про всё, в том числе про сон и обед. За день от Глеба поступило пять сообщений. Спрашивал о том, почему не отвечаю, и что случилось.

Снайпер: «Ты где?»

Малина: «Всё супер! Телефон дома забыла J»

Снайпер: «Понятно. Я заметил, что ты по московскому времени мне пишешь уже неделю)»

Малина: «Ха, какой внимательный!»

Я отвечаю ему с какими-то двоякими чувствами. Вот он мой друг, что сейчас пишет мне, что переживал, потому что я не отвечала. А там, в живую, он жестокий хам, не ценящий чувства других. От одного его высокомерного взгляда у меня кожу покалывает.

Вздрагиваю, когда Катька громко вгрызается в яблоко у моего уха.

– Ну чё он пишет? – чавкает и тянется к моему телефону.

Весь оставшийся день я спала. Сон был тревожный и неглубокий. Из-за этого я часто просыпалась, путая реальность с картинками в голове.

Когда я все же просыпаюсь окончательно, часы показывают одиннадцать вечера. Очень хочется пить, и, скинув с себя махровый плед, я встаю с кровати. Голова раскалывается пополам так, что гляди трещинами пойдёт.

На улице уже стемнело и, пока я иду до выключателя, при этом придерживая больную от пересыпа или же переживаний голову, я слышу, что на мой телефон приходит около десяти сообщений. Точно не от Снайпера, ведь звук уведомлений совершенно другой.

В итоге, выпив два стакана отфильтрованной воды, я захожу в комнату и, взяв телефон, сажусь на кровать.

Меня добавили в групповой чат, где Люба во всю расписывает различные секции и предстоящие мероприятия. Но я пока не спешу сидеть в нём, потому что вижу сообщение от Глеба.

Снайпер: «Кажется, мне придётся самому гадать, в какой вуз ты поступила. Почему не скажешь?»

Я сижу две минуты, смотря на это сообщение, и не знаю, что ответить. Взвешивая все за и против, я решаю, что ни за что не выдам себя. Так странно на душе – ещё вчера я вол-

новалась и мучительно ждала встречи с ним, а уже сегодня меня бросает в неконтролируемую дрожь. Страшно до жути. Терять своего Снайпера я не собираюсь.

Малина: «Зачем?»

Снайпер: «Малинка... Мы уже в том возрасте, когда спокойно можем встретиться. Теперь нас не разделяют тысячи километров. Ты жила где-то на Дальнем Востоке, я прав?»

Мой глубокий вдох равен секундам прочтения этого сообщения. Сердце сжимается от несправедливости. Он сам хочет увидеться, это так будоражит. Ведь мы и правда только сейчас получили возможность встретиться в живую. Теперь я тут, в Москве, где меня не держит деревня и учёба в городе Оксаны, поэтому я и правда могу встретиться со Снайпером.

И он прав про Дальний Восток. Мы с Оксаной ехали сюда на поезде шесть дней. Я как пассажир, а она – проводница. В общем-то, из-за её работы я так и сдружилась с тётей Таней и Сонькой. Они живут в том же подъезде и на том же этаже, что и Оксана. Когда её не было, я часто зависала с ними.

Руки трясутся, держа телефон, но я не успеваю ничего ответить, так как он пишет название своего вуза.

Капец. Собрался выдать себя? А мне что потом делать?..

Он словно читает мои мысли. Он видит, что его сообщения прочитаны, и что я не отвечаю.

Снайпер: «Боишься?»

Малина: «Да»

Снайпер: «Я не кусаюсь;»

Смотрю на три точки, что означает, что он печатает что-то ещё. Блин.

Снайпер: «Хорошо, давай начнем с простого. Просто назовём друг другу наши вузы»

Да что с ним такое?.. Он так резко поднял эту тему. Может, он уже знает, кто я и решил поиздеваться?

Нет, нет, нет. Глеб не такой. Или такой...

Мои пальцы действуют быстрее моих мыслей, потому что я ему отправляю название своего университета. Такое же, что и он минуту ранее. Настоящее, блин, название. Блин! Блин! Блин! Сейчас он напишет, что-то в духе: «Так это была ты, Очкарик!»

Я скулю вслух, гипнотизируя очередные три точки. Мерзкие мурашки нападают на меня.

Снайпер: «Вот так совпадение, Малинка) Имена?»

Малина: «НЕТ».

Снайпер: «Ты не хочешь увидеться?»

Малина: «Почему ты заговорил об этом сейчас?»

Снайпер: «Переживаю за свою бро. Заметил, что твой часовой пояс поменялся, а Москва далеко не та деревушка, где ты выросла»

Капец. Мой бро – лучший. И я бы побежала прямо сейчас с ним на встречу, но...

Снайпер: «Ладно, я всё равно в универе появлюсь только через две недели. Мелкие всё же заразили».

Улыбаюсь, вспоминая, как он провел весь август у старшей сестры и её мужа. Их дети болели и, судя по всему, Глебу досталась какая-то заразная бацилла.

Стоп! Как это через две недели?

Малина: «А сегодня ты был в универе?»

Снайпер: «Ты бы видела, как я пытался встать с кровати. Спойлер— безуспешно. Малинка, если будут обижать, сразу пиши. Через две недели я, так уж и быть, найду тебя сам)»

Так это был его близнец Егор сегодня? Как? Тётя Таня говорила, что он в другом вузе учится, в спортивном!

Сижу на кровати и, сузив глаза, сканирую открытую переписку.

Это что же получается? Мой бро Глеб не обзывал меня очкариком и блохой?..

Улыбка на моём лице становится широкой.

Так, так, так. А что, если я ему нажалуюсь на его же брата? Ага, брат или я? Выбор очевиден...

Улыбка сходит с моего лица.

Ладно. Меня он всё равно не найдёт. Моего имени и фото в социальной сети нет. Никто не сможет найти меня по фейку.

Даже не знаю теперь, встретимся мы или нет... Раскрою я себя или нет... А всё из-за дурацкого хама – Егора.

Малина: «Выздоровливай, сыщик;)»

Целый час я читаю групповой чат, что создали в другой соцсети. Но до конца так и не дохожу. Даже не знаю, зачем я это делаю. Предлагают разные кружки и секции. И их тут очень много. Одних танцев тут только пять видов. Взгляд мой цепляется за современное направление, но я так и не решаюсь записаться.

Лепка глиной – странный кружок, не для меня. Спорт? Точно нет. Я достаточно пластична и растянута, но это благодаря книжке по гимнастике с картинками. Я повторяла упражнения, а бабушка выступала в роли моего личного тренера.

Улыбаюсь при воспоминании о ней.

– Злата-а! Ты видела?! – кричит Катька с другого конца квартиры. Затем слышу, как затихает вода в ванной, а потом и шлепки об пол. И вот она передо мной – мокрая и обвёрнута в светло-жёлтое полотенце. С жалостью смотрю на бежевый ковёр, что лежит у меня в комнате.

– Что видела?

– Конкурс красоты! – она хоть и стоит рядом, но уровень громкости не убавляет. Я морщусь от её ультразвука. – В конце октября! На подготовку два месяца!

– А. Ясно, – киваю болванчиком, понимая, что она точно участвует. – Круто, – поддерживаю её улыбкой. Ведь иначе она подсядет мне на уши, чтобы перечислить все плюсы участия в таком замечательном мероприятии, пока я не удостоверюсь в этом.

Она пищит, сжимая кулаки, и весело упрыгивает из моей комнаты. Смотрю ей вслед, приподняв уголок губ.

Счастье-то какое – конкурс красоты...

Продолжаю листать переписку:

Викуля: «Кстати, девчонки! Через два месяца будет проходить конкурс красоты! Записываемся, кто желает!»

Викуля... Протасова, что ли? Ха, все так и побежали записываться.

Уже через минуту я смотрела широко раскрытыми глазами, как почти все девушки из группы записывались на этот конкурс. А ещё через две минуты они решали, кто достоин, а кто нет, потому что желающих оказалось больше, чем нужно.

Я закрыла эту переписку. Какая-то я не такая. Белая ворона в этом универе. Скорее белый воробей.

Отлично. Только начало учёбы, а режим уже напрочь сбит. От того, что я спала до самого вечера, я также и не спала почти до утра. Хорошо, что приготовила вещи на учёбу заранее. Будильник не смог поднять меня вовремя, а всё потому, что я его тупо отклоняла, желая насладиться сном лишнюю минутку. Катке ко второй паре, вот она и дрыхнет спокойненько.

Из-за спешки я не обращала ни на кого внимания и даже забыла про то, что решила быть незаметной. Сначала на парковке столкнулась с каким-то парнем, извинилась и побежала дальше. Потом на крыльце чуть не снесла преподавательницу, которую напугала. А после в холле протискивалась через толпу девчонок. Одна в итоге схватила меня за руку и дёрнула назад. Так, что я влетела в другую девушку.

– Эй! Смотри куда прёшь! Ты мне нготь сломала, тварь!

Я в шоке распахнула глаза. Кто тварь? Я?

– Ты кто такая, вообще? Не видишь, люди стоят? Куда несёшься?

– Безмозглая малолетка. Явно первый курс.

– Вали уже отсюда, пока я тебе космы не повыдёргивала!

Меня тянут за волосы со спины и выкидывают из этой толпы.

Видимо, старшекурсницы.

Моё лицо покрывается алым цветом, и я бегу к ближайшей лестнице, надеясь, что больше не столкнусь с подобным. Но на лестнице в кого-то врезаюсь, так как смотрю под ноги и очень тороплюсь. Стараюсь обогнуть препятствие, не поднимая глаз, но меня снова хватают за руку, и я отлетаю к стене.

Да что за день?..

– Блять... Ты когда зрение проверяла последний раз? – слышу знакомый голос и в страхе дёргаюсь. – Или, может, ты очки свои не протирала давно?

Громкий смех парней эхом разноситься по лестничному пролету. Резким движением разворачиваюсь и бегу вниз. Сердце где-то в ушах стучит, пока я ищу другой путь к нужной аудитории. И лишь взглянув на время, я понимаю, что у меня есть ещё три минуты. Вот тут я выдыхаю, потому что думала, что опоздала.

В итоге на пару я всё-таки успеваю. Сажусь на первом ряду для того, чтобы не привлекать больше внимания, проходя через всю аудиторию. И буквально через секунду после меня заходит Люба. Запыхавшаяся, точно, как и я. А ещё с расчёсанными волосами и в толстовке. Она совсем не похожа на вчерашнюю себя.

– Боже. Проспала, – говорит она, шумно дыша, и приземляется рядом со мной. – Привет, – поворачивается ко мне и начинает улыбаться, пока мы обе достаём тетради. – Я Люба.

– Привет. З-злата, – сглатываю ком в горле.

Чего это она ко мне села?..

Первую пару мы молча записываем лекцию. А потом на второй снова садимся вместе. Ну точнее, она подсаживается ко мне.

– Не против? – спрашивает, кивая на соседнее место.

– Садись, конечно, – отвечаю и скомкано улыбаюсь.

После прошедшей пары я думаю, что не прочь завести друга в группе. Так ведь мне будет проще учиться. Где-то помощи попросить, где-то ещё что. Особенно, если это будет сама староста.

– Ты ведь Злата, которая Воробьёва? Хотя, чего это я спрашиваю, – она смеётся. – Других у нас всё равно нет. Ты не записалась ни на один кружок, почему?

Она вешает сумку на спинку стула и поворачивается ко мне. В её глазах читается интерес.

– Не нашла ничего подходящего, –жимаю плечами, убирая рюкзак.

– Серьёзно? – она удивляется и поворачивается ко мне всем корпусом. – Тут столько возможностей показать себя. Вот я записалась в чирлидинг, буду поддерживать наших футболистов. Ещё на конкурс красоты, – она переводит взгляд на мой розовый пушистый скетчбук. – Ой, какой красивый блокнот. Купила где-то или заказала? – Люба наклоняется к нему ближе, пока я думаю, как так вышло, что я принесла его в универ, ещё и достала из рюкзака. Совсем растерялась сегодня.

– Это подарок, – отвечаю смущённо.

– Можно взглянуть? – спрашивает и заглядывает мне в глаза.

Замираю. Там одни портреты Глеба, и показывать их кому-либо я не собиралась. Только вот и отказать мне как-то неудобно. Слава богу, нас прерывают. В аудиторию со звонком заходит Протасова с... Егором.

И чего он тут забыл?..

– Всем привет, ребята. Этой пары у вас сегодня не будет. Я вас не предупредила, чтобы вы не ушли раньше времени, – говорит она, обводя взглядом всю группу. – Я привела вам капитана футбольной команды, – она указывает на Егора и представляет его. – И так, кто записался в чирлидинг, а кто в саму команду, просьба не уходить домой, а проследовать вместе с Егором. Он мой одноклассник. Так что, если будут проблемы, можете смело мне на него жаловаться, – и она смеётся, смотря как этот дурак хмурит лоб.

Ловлю его взгляд на себе и тут же опускаю голову. Его внимания мне хочется меньше всего.

Его губы разъезжаются в улыбке.

– Так вот где учится блоха, – произносит он громко, и я чувствую, как все смотрят на меня. По телу пробегают беспокойство. Мечтаю, чтобы он ушёл, и все перестали пялиться на меня.

Ошарашенно поворачиваюсь в сторону Любы, думая, что она сейчас отсядет от меня и не захочет со мной общаться.

Но вижу лишь то, что она листает мой скетчбук, при это переводит взгляд с портретов на Егора и обратно.

Капец!

Вся эта ситуация вызывает у меня неконтролируемую дрожь и противный жар. Скетчбук у меня лишь неделю, но я нарисовала уже четыре портрета. Два из них карандашом и два даже с употреблением цветных маркеров. Я долго рассматривала фото Глеба, что на моём телефоне, поэтому портреты чётко передают все черты его лица. А так же его брата...

Пот холодными струйками катится по позвоночнику, пока я шокировано смотрю на Любу. Она резким движением закрывает скетчбук и двигает его в мою сторону. А потом также шокировано смотрит на меня, пока я дрожащими руками прячу его в рюкзак.

– Ну вот! – возмущается Вика. – Они только начали учиться, а ты уже в своём репертуаре! – она грозно смотрит на Егора, при этом пихнув его в плечо.

Он лишь скалится в мою сторону.

Что я ему сделала?..

– Прости... – тихо говорит Люба. – Я никому не скажу, – она встаёт из-за стола, как и ещё несколько ребят. – Ладно, я пошла, всё же я записалась на чирлидинг. Ещё встретимся, – подмигивает мне и, скинув всё в свою сумку, уходит с остальными, кто записался на футбол или к ним в поддержку.

Я ни за что бы не пошла в группу поддержки к команде с таким капитаном. Хорошо, что никто не подозревает о моей гибкости и талантах.

– Пока, очкарик, – говорит Егор, выходя последним из аудитории, и оставшиеся сидеть студенты начинают шептаться, странно поглядывая на меня.

Хам!

В столовой пусто, за исключением пары ребят, так как у всех идёт пара. Беру сразу два обеда, чтобы потом Катьке не пришлось стоять в очереди. Пишу ей об этом, и не проходит пять минут, как она входит в столовую. Садится напротив меня и говорит:

– Просто сказала, что живот заболел. Там такая нудная хрень, что спать тянет, – берёт вилку и с аппетитом накинывается на свой обед, пока я с удивлением смотрю на неё. Хотя, чего удивляться – это же Катька.

– Короче, ситуация SOS. Люба увидела *его* портреты, – я говорю слишком жалобно и опускаю голову вниз.

– Какая Люба? И, в смысле, увидела? – она опускает вилку, так и не донеся её до рта.

– Вот так! – выкрикиваю и боязливо оглядываюсь, а поняв, что меня не услышали, расслабляюсь. – Не понимаю, как я принесла скетчбук в универ. Люба Малинина – наша староста, – шумно вздыхаю, ковыряясь в салате.

– Да уж, тебе прям везёт со своим Снайпером. И чего она?

– Сказала, что будет молчать.

– Уверена? Давай я поговорю с ней.

– А, ну... – договорить мне не даёт дверь, что шумно распахивается и входит Люба. Быстро она... Её взгляд находит меня и она, улыбаясь, идёт к нашему столику. Садится рядом и протягивает руку Катьке.

– Я Люба. Мы со Златой учимся в одной группе.

– Катя, – отвечает моя подруга и хмурит брови. – Слушай, Люба, ты же сдержишь секрет одного розовенького блокнота?

– Какой? – она удивляется, а потом переводит взгляд на меня. – А, тот блокнот. Точно, – она берёт меня за руку. – Злата, не волнуйся, это останется между нами, – её широкая улыбка располагает.

Я окончательно выдыхаю.

– Так... получается ты в него влюблена? – спрашивает староста.

– В кого? – теряюсь я.

– В Егора, – тише произносит она, наклоняясь к нам обоим.

– Вообще-то, в Глеба, – вставляет своё Катька, а я краснею.

– Какого Глеба? – не понимает староста.

– В его брата-близнеца. Златка уже три года с ним анонимно переписывается.

Капец, она решила палить кантору до конца, что ли? Ну Катька блин!

Просто продолжаю есть, лишь бы этот разговор скорее закончился.

– И ничего я не влюблена в него. Он мой бро! – всё же вырывается у меня. Теперь они обе хихикают. Спелись уже!

– И у него есть брат? Ого! – глаза старосты загораются, и, кажется, она становится ещё радостней. – Знаете, девчонки, мне Егор понравился ещё там, в актовом зале. А, когда я увидела его лицо в блокноте, я даже расстроилась, что придётся бороться за него. Да ещё с той, кто мне больше всех понравилась из остальных одноклассниц. Они какие-то змеи, что ли. Ещё вчера поняла в чате. Не понравились они мне, – она морщится, смотря как Катька с аппетитом ест. – А теперь даже рада. Значит Егор свободен, да? – с надеждой заглядывает в мои глаза.

Ну капец. Получается, если бы Катька всё же не растрепала это всё, то Люба перестала бы со мной общаться? Из-за Егора Золотого? Этого дурака?

Тогда хорошо, что всё так. А ещё её всё же не задела его слова про блоху. Фух...

– Получается так, – отвечаю, улыбаясь, а потом осознаю. – Глеб тоже свободен. Я не претендую на роль его девушки. Он мой друг, – говорю я и отпиваю свой чай.

– Вы, вообще, в курсе, что они оба могут быть заняты? – вставляет неожиданно Катька, и Люба сникает.

Я-то в курсе, что у Глеба никого нет. У него была девушка год назад, он даже писал мне об их расставании. Поделил-

ся своей болью о её предательстве. Я поддерживала его, как могла, ведь он мой близкий друг. Я его называю близким, потому что он тоже не раз меня поддерживал. Особенно, когда я жила с родителями.

– Анонимно... – произносит задумчиво Люба. – А как ты узнала, что твой друг именно он?

– Она знакома с его сестрой. Та и разболтала, – отвечает Катька с набитым ртом.

– То есть... он не знает кто ты? – брови старосты поднимаются.

Я сжимаюсь. Вообще-то, эта тема личная, и чего Катька встревает, блин?! Конечно, я бы сказала ему сразу, как узнала, но я хотела сделать сюрприз. А теперь боюсь.

– Не знает, – тихо говорю, смотря как вилка гуляет по салату. – Я боюсь сказать. Его брат меня ненавидит.

– Ненавидит?

– А ты не слышала, как он меня блохой назвал? – я раздражаюсь, поднимая на Любу взгляд. – Со вчерашнего дня я с ним четыре раза пересеклась, и в каждую он меня обозвал! А он брат Глеба, вдруг он такой же... – произношу уже тише.

– А где он, кстати? Я даже не думала, что у Егора есть брат, – Люба неотрывно следит, как Катька ест.

– Болеет, – пожимает плечами Катька.

Я ей вчера всё рассказала, когда она успокоилась после новости о конкурсе красоты.

Дальше разговор как раз перешел на это мероприятие, и

я уже не участвовала в этом. Правда в какой-то момент я их всё же перебиваю:

— А ты почему не ешь? — спрашиваю Любу, заметив, как она всё время смотрит, как ест Катька.

— Я... я на диете.

Она сглатывает, и её голодный взгляд превращается в нормальный. Я в шоке осматриваю её.

Куда ей?..

А Катька, вообще, давится соком, который начала пить в этот момент. Мой телефон звучит уведомлением. От Снайпера. Достаяю его и читаю:

Снайпер: «Малинка, привет) Как день проходит? Никто не обижает?»

Капец, чего он переживает-то?

Малина: «Все хорошо»

Снайпер: «Знаешь Золотого Егора?»

Мурашки проходят по позвоночнику, плавно переходя на пятую точку. И что ответить?..

Дурацкий, дурацкий Егор! И почему в близнецы Снайперу достался именно он?..

И пока я тупо разглядывала знакомые буквы в этом странном сообщении, не заметила, как Катька с Любой, пододвинув стулья ближе ко мне, смотрели в мой телефон. Резким движением переворачиваю его, чтобы положить на колени от лишних глаз. Слышу громкий удар – телефона об край стола.

Блин!

– Златка, ёпрст! Аккуратнее ж надо! – громко произносит Катька, и я поднимаю на неё возмущённый взгляд. – Эй, ты чего? – непонимающе смотрит на меня. – Сломала?

– Да вы... Вы... Чего вы смотрите в мой телефон? А вдруг там что-то личное? – я говорю спокойно, но внутри по венам жар идёт. Чувствую, как щёки моментально краснеют. И это точно от злости.

– Оу, мать, остынь, – она поднимает руки в примирительном жесте, а после переводит взгляд на Любу.

– Прости, Злата. Мы не подумали, – говорит та.

Староста смотрит на меня своим щенячьим взглядом больших серых глаз, и я теряюсь. Ну не умею я злиться и обиду долго держать. От её извиняющего вида я почему-то начинаю чувствовать виноватой себя.

Закрываю глаза и глубоко вдыхаю. Чувствую, как они обе касаются меня: Люба кладёт ладонь на моё плечо, Катька гладит по спине успокаивающе.

– Ну всё, не дуйся.

– Ну, – начинаю тихонько, – раз всё видели, то подскажите тогда. Что мне ему ответить? – снова поднимаю телефон.

И случается самое неприятное. Я обнаруживаю сеточку трещин на верхней части экрана. Фронталке тоже не повезло. Отчаянно скулю, когда не вижу время за чёрным невнятным пятном.

А, нет. Самое ужасное происходит тогда, когда мы втроем, плясь на бедненький китайский гаджет, слышим из динамика низкий, периодически усмехающийся, голос:

– Неожиданно, конечно. Что могло произойти, чтобы сама Малинка-трусиска позвонила? Мой братец уже что-то наворачивал? Жалуйся, не стесняйся. И почему я не вижу тебя? Глюки какие-то. О, вижу малину на твоей кофте. Прикольная, кстати. Подними телефон выше.

Кажется, эта речь лишила меня рассудка. Ведь как объяснить то, что моему бедненькому телефончику пришлось вновь столкнуться со столом. Не единожды. Много раз. Очень много раз. Вот пока он окончательно не развалился. Хорошо, что стол достаточно крепкий оказался.

Смотрю на то, как остатки смартфона валяются среди наших подносов с Катькой. В столовой стоит тишина. Хорошо, что народу немного. Мои губы тянет в улыбке. Подавляю смешок, но за ним прорывается следующий.

– Воробьёва, ты... сумасшедшая, – выдыхает Катька и начинает смеяться. А следом и мы с Любой.

Остаток пар проходит спокойно. Я уже настроена идти искать работу. Сегодня пройду по ближайшим магазинам, поспрашиваю. А вечером, если что, поищу в ноутбуке.

Ни за что не попрошу новый телефон у Оксаны. Куплю сама. Мы с ней общаемся не часто и в основном переписываемся, поэтому она не должна заметить. Тётя Таня и то чаще звонит, но я не обижаюсь. Оксана сама по себе такая. Наверное, я пошла в неё.

Пока записываю лекцию за преподавателем, вспоминаю, что Глеб спалил, что Егор Золотой его братец. То есть, он на полном серьёзе решил вычислить меня. Но для чего? Общаться в живую? Ну да, Злата! Не издеваться же над девушкой, с которой дружишь три года!

После пар Люба решает составить мне компанию. Она живёт с родителями тут в Москве. Вообще, она, как и Катя, оказалась из обеспеченной семьи, только размах покрупче. Иногда её подвозит водитель, иногда такси. Она написала, чтобы её забрали через час у универа, а пока ходит со мной по возможным местам работы.

– Смотри, – она берёт меня под руку, свободной указывая на магазинчик книг. – Объявление висит. Кто-то требуется. В итоге час у нас уходит в пустую.

В одном магазине нужен опыт, в другом полный рабочий день, где-то именно парень требуется, а где-то мне самой не понравилось: то слишком злой работодатель, и я дрожала, словно кролик так, что Любе приходилось тянуть меня на

выход. Или же жуткий запах, от которого скручивало желудок. Нет, я бы в таких условиях не выжила.

– А почему именно магазин? – спросила у меня Люба, когда угостила мороженым, и мы сидели на лавочке около универа. – Можно же в кафе устроиться. Официантом или барменом. Там и чаевые есть.

– Ну уж нет, – лицо моментально кривится от подобной затеи. – Барменом никогда. Пьяные люди – это самое ужасное, что я видела в жизни. Да и кафе... там тоже много разных, – смотрю прямо перед собой на пустую курилку около бокового входа в универ.

– Ладно. Не расстраивайся, найдёшь ещё работу, – она обнимает меня одной рукой, второй держа рожок с шоколадным мороженым. Я улыбаюсь.

Она хорошая. Вот даже помогает мне вместо того, чтобы ехать домой.

А работу я обязательно найду. Может даже не рядом с университетом. Тогда смогу позволить себе новый телефон, ещё заменю очки, что треснули из-за дурацкого Егора. Сегодня трещинка стала почему-то больше.

Замечаю, как на курилку выходят парни. Они смеются и поджигают сигареты. Среди них конечно же Егор. Я уже заметила, что он достаточно популярен. И чего он ко мне прицепился? И почему про него спрашивал Снайпер?

Один из них замечает меня и толкает Егора в плечо, что тоже курит. Ещё спортсмен называется...

– Эй! – он свистит и машет нам рукой. – Блоха очкастая! Да ты у нас, оказывается, звезда!

И они всей компанией начинают ржать, да так, что от дыма закашливаются. Сборище дураков.

Люба сжимает меня рукой крепче, и я замечаю, как злобно она таращится на Золотого.

– Вот козлина шикарнейшая... – произносит со множеством шипящих звуков, словно змея. – Ничего, я его перевоспитаю, вот увидишь, – кивает она в его сторону.

– Что ещё за «звезда»? – спрашиваю, стараясь скрыть обиду и не обращать внимания на его обзывания. Люба лишь пожимает плечами.

Вернувшись домой, я первым делом лезу в ноутбук. Отвечаю Соньке, а потом лезу на доску объявлений. Ещё и душу на части рвёт. Снайперу хочу написать, всё высказать. И не хочу одновременно. Ещё свитшот этот. Бли-ин...

Скидываю новую вещь и убираю глубоко в шкаф. Потом достаю обратно, решив, что сначала постираю, а потом спрячу, чтобы ненароком не спалиться потом, когда он на учёбу выйдет.

До Катькиного прихода я не осмеливаюсь зайти в соцсеть, где мы общаемся со Снайпером. Ищу себе работу, но пока безрезультатно.

Когда Катька варит борщ по семейному рецепту, я всё же не выдерживаю и захожу в ту самую сеть. Только вот пароль я забыла. В общем, сижу на кухне и под запах готовящего-

ся борща проделываю очень щепетильную работёнку – режу сим-карту. Для Катькиной дорогой модели, которую она мне любезно предложила для восстановления пароля, моя сим-карта велика. Канцелярским ножичком и так её, и сак, пока Катька расхаживает в фартуке, с полотенцем на плече и с поварёшкой в руке.

– Готово! – выкрикиваю, протирая лоб рукой. Он уже изрядно покрылся испариной.

– И у меня, – улыбается она, выключая конфорку.

Восстанавливаю доступ, пока Катька накрывает на стол, а после возвращаю телефон ей. Приношу на кухню ноутбук, а когда передо мной появляется тарелка ароматной еды, я уже в своём аккаунте.

Снайпер: «Малинка... ты меня пугаешь»

Выдыхаю, потому что переживала, что он нет-нет, да видел столкновения телефона со столом до его отключки. Ну, вроде, пронесло.

Малина: «У меня сломался телефон. Всё хорошо»

Снайпер: «Точно?»

Я думаю несколько секунд, после чего строчу жалобу на его брата. И только, когда собираюсь нажать «отправить», мне приходит от него видео. В этой соцсети оно запускается автоматически, и по мере увиденного мои глаза расширяются.

– Чё там? – Катька прекращает есть и обходит стол.

На видео видно, как я избиваю телефоном стол, пока дев-

чонки по обе стороны от меня сидят спокойно. Вид со спины, и лиц наших не видно.

Офигеть. И кто это снял? Как оно появилось у Снайпера?.. Это Егор? Это он ему показал? И рассказал, что я очкастая блоха?..

Слёзы собираются в уголках глаз. Обидно, капец.

Снайпер: «Это ведь ты?»

Именно в этот момент я, не думая о последствиях, удаляю свой профиль. Глаза заволокло слезами, щёки мокрые, а ранка на губах щиплет от солёной влаги.

— Едрить колотить, Златка? Ты чего? Ну, подумаешь видео сняли. Зачем удалилась-то? Думаешь твой Снайпер не помог бы тебе с этим Егором? Три года, Златка! Да и ты девушка! А Егор дурак, каких поискать.

Удивлённо поднимаю на неё глаза, но мало, что вижу.

Чего это с ней? Она же не святая наивность и не верит в принцев всяких. Катька боец, красивый блондинистый боец. Частенько смеялась с нашей дружбы со Снайпером. Ну да, четыре года разницы, а мы дружили. И ладно на расстоянии, но мы даже не знали настоящих имен друг друга.

О нет!

Судорожными рывками стираю влажные дорожки и ищу кнопку восстановления аккаунта.

Я ему всё расскажу! И будь, что будет!

— Воробьёва... — Катька спокойно гладит меня по голове, пока я пытаюсь хоть как-то исправить свою ошибку. — Ты уже

подтвердила удаление навсегда. Было двойное предупреждение.

Она вздыхает и садится на стул, который двигает ко мне. Прижимает мою голову к своей груди, пока мой внутренний мир рвёт на части. Ощущение жжения в венах мощными потоками простреливает всё тело.

Не знаю, сколько я теряю жидкости, пока реву, но потом Катьке это надоедает.

– Знаешь что, моя дорогая, – строго говорит она, отцепляя мою голову от себя. – Завязывай-ка ты сопли пускать. Можешь аккаунт новый создать и найти его. Да и, вообще, в одном универе учись. Выйдет он со своего больничного, вот и поговорите.

Её слова – словно лекарство. Я успокаиваюсь, начиная дышать всхлипывающими рывками. Жжение в венах проходит, и настроение повышается.

Ну точно! Вот я дура!

Хоть фотографии Глеба у меня теперь и нет, как собственно и телефона, но вот в памяти он всё же сохранился.

Я сижу в своей комнате на полу у мольберта, слушая музыку в наушниках, которые подключила к ноутбуку, и весь вечер посвящаю новому портрету. В этот раз Глеб получается строгий, властный. Представляю, как он отчитывает своего брата Егора за то, что тот обзывает его подругу. На моём лице улыбка, и я снова трепещу от предстоящей встречи со Снайпером.

Наверняка он сейчас обижается на меня, а может даже и злится. И почему он решил, что это, вообще, могу быть я на том видео?.. Из-за кофты?..

Сама себя на волнах настроения качаю подобными мыслями. Мотаю головой, выкидывая из неё переживания, и решаю закругляться. Уже достаточно поздно, да и режим восстанавливать нужно.

Утром просыпаюсь с отличным настроением и, подпевая песенки, что вчера играли в наушниках, иду умываться. Затем, словно щебечущая птичка, я порхаю по кухне, жаря оладьи. Катя в отличии от меня ходит разбитая, только и успевает зевать. Наверняка свои сериалы смотрела до поздней ночи.

По дороге в универ я наслаждаюсь свежим воздухом и

подставляю личико солнечным лучам. Подруга же только бухтит, что её тональный крем уже плывёт от бесконечной жары. А после мы расходимся по своим корпусам.

На входе толпа студентов, но я не торопясь прохожу сквозь них. В холле тоже не протолкнута, но и тут у меня не возникает проблем.

О, вот бы всегда просыпаться в таком настроении. И ни в коем случае не просыпаться. Тогда торопиться не придётся. Врезаться во всяких злобных студентов – тоже.

Поднявшись на третий этаж, где сегодня будет проходить первая лекция, я первым делом замечаю Любу у окна в коридоре. Остальные же студенты разбились на кучки и пилились в телефоны, при этом смеясь.

Широко улыбаясь, я подхожу к старосте и ставлю свой рюкзак на подоконник. А встречаясь с ней взглядом, невольно хмурюсь.

– Привет. Что случилось? Ты расстроена чем-то? – спрашиваю, наблюдая, как она крутит телефон в пальцах.

– Привет, Злата, – её голос пропитан злостью, но я чувствую, что не на меня она направлена. – Егор – реальный кретин. И угораздило же... Понравился... Ха! – она отлипает от подоконника и поворачивается ко мне всем телом. – Знаешь, мне теперь совершенно точно не хочется быть его девушкой, Злата. Вот, – её взгляд превращается в жалостливый, и она протягивает мне свой телефон.

Удивленно смотрю на неё. Что это с ней случилось?..

Беру аккуратно гаджет в руки и тяжело вдыхаю полные легкие, потому что первое, что бросается в глаза – фраза «Вы когда-нибудь видели бешеную блоху?». А по мере прочтения всего текста, на мои глаза наворачиваются слёзы. Я стараюсь их держать, но пелена всё же затуманивает обзор.

«Нет? О, не расстраивайтесь, друзья! Вашему вниманию представлена новая ученица. Очкастая блоха в бешенстве!!! Оцените! P.S. Держите свои смартфончики при себе, а то мало ли...»

И куча ржущих смайлов. Негодяй...

К этому проклятому тексту как раз прикреплено то видео из столовой. Только его обработали, где-то было резко, где-то медленно. Девчонок замазали пикселями и всё внимание было на моём розовом свитшоте и тёмных, струящихся, волосах до лопаток. Ещё и музыку вставили. С такой обработкой и правда кажется, что девушка на видео не в себе.

И зачем я его смотрю?.. Всё моё отличное настроение пропадает в миг. Детский сад какой-то... Если это Егор сделал, то он точно не далёкого ума. Четвёртый курс как никак. А, ну да... он же футболист, какой там ум!

Ну всё, сейчас буду унижать его в своих мыслях, чтобы совсем не сникнуть. Только вот это не поможет. В слух-то я ему явно ничего подобного не скажу...

Моргаю и чувствую, как из левого глаза начинает катиться слеза.

– Иди сюда, – успокаивающим голосом произносит Люба,

обнимая меня за плечи. – Забей на этого урода. Вот вернётся Глеб... – она замолкает, заглядывая в мои мокрые глаза. – Давай нажалуемся ему на его же брата. Прямо сейчас, – она выхватывает свой телефон из моих рук. – Зайдешь в аккаунт с моего телефона, давай, – протягивает его обратно и улыбается.

– Нет, – я отвечаю спустя несколько долгих секунд и, сняв очки, стираю мокрые дорожки рукавом рубашки, а затем беру старосту за руку и веду за собой в аудиторию.

– А, – это всё, что она произносит. Ведь, проходя мимо одноклассников, мы слышим в след:

– Староста, кажется у тебя завелась блоха!

А дальше дружный смех нескольких наших одноклассников. Я не знаю их имён, разве что Тимофея Агапова запомнила, но пока что его не видно. Девушки же тихо подхихкивают. Их я ещё тоже пока не знаю.

У меня смешанные чувства: желание закатить глаза от абсурдности ситуации, потому что мы не в детском саду, а ещё расплакаться и убежать. Почему-то из уст одноклассников это звучит не так обидно, как от дурацкого Егора. Может потому, что он брат Снайпера?..

Надежда на помощь Глеба тает. Он видел видео и почти догадался, что это я. Только вот как?! Всё же видел через видео-звонок, как мой телефон сталкивался со столом, а потом сложил два плюс два, увидев и видео со стороны? Скорее всего...

А теперь он наверняка видел и этот обработанный позор. Блин блинский...

– Завались! – резко отвечает однокласснику Люба, всё так же продолжая идти за моим быстрым шагом. – Ещё слово, и ты вылетишь отсюда!

Парень закашливается и замолкает, как и его дружки, что стоят у стены рядом с этим парнем. А я ничего понять не могу. Как это он вылетит отсюда?..

– Я не расстраиваюсь. Егор просто придурок, я это понимаю.

– Вот и славненько.

Конечно, я расстроена. Но Люба не прекращает меня успокаивать, и косые взгляды сокурсников меня напрягают всё больше. Поэтому глубоко вздыхаю и давлю из себя улыбку. И кажется срабатывает. Староста больше не привлекает к нам столько внимания.

– А что это было в коридоре? – тихо спрашиваю, когда начинается пара, и преподаватель отворачивается к интерактивной доске. – Ты сказала, что тот парень вылетит отсюда. Что это значит?

Люба наклоняется к моему уху и шепчет:

– Мой отец – ректор. Малинин Сергей Григорьевич. Связи, детка, – и толкнув меня плечом, издаёт смешок.

Ого! Я как-то и не сопоставила эти фамилии.

У всей группы на телефоны одновременно приходят уведомления, и это отвлекает преподавателя. Под его серьёзным взглядом никто не решается посмотреть, что пришло. Пять минут он неотрывно рассказывает материал, пока все елозят в нетерпении заглянуть в телефоны.

Раздаётся стук в дверь, после чего в аудиторию входит зам старосты.

– Простите, можно?

– Имя, – преподаватель поправляет очки и берёт распечатку со списком студентов.

– Тимофей Агапов, – парень широко улыбается.

– Садись, – рукой показывает в аудиторию и возвращается к лекции.

По аудитории проносится гул, ведь многие успели заглянуть в телефоны. Перевожу взгляд на Любу, которая светится улыбкой, смотря в телефон на её коленях. Но преподаватель жестко прерывает всех, и до конца лекции никто не издает ни шороха.

Звучит звонок с пары, и начинается непонятно что. Оказывается, в чате Вика написала про вечеринку в клубе на этих выходных. Абсолютно все горят желанием её посетить. Но не я.

– Будет круто! Злата, пойдем? И Катю с нами позовём! – староста настолько радостная, что не замечает, с какой силой сжимает мои руки.

– Не знаю... Если я буду свободна, – пожимаю плечами и кривлюсь от незначительной боли. – Вдруг я буду работать.

– Ты нашла работу? – удивляется она и, кажется, становится ещё радостнее.

– Пока нет.

Без телефона очень некомфортно. Три дня я по привычке ищу его в кармане, пока не вспоминаю, что он сломан. Ребята из группы не обсуждают то видео и меня, но и дружить

не предлагают. Егор тоже не обзывал больше, хотя мы и не сталкивались так близко. Общаюсь только с Катькой и Любой, которая начала дружить с Тимофеем. Он всё же её зам, и им следует контактировать. Вот и сегодня он сидит с нами за длинным столом в аудитории.

– Девчонки, вечеринка в силе? – спрашивает и играет бровями. Снова в своём малиновом пиджаке, как и в предыдущие дни.

– Ещё спрашиваешь? – фыркает Люба. – Злата?

– А? Не, я пас, не очень чувствую себя.

И «не очень» – слабо сказано. Я три дня места не нахожу себе. Всё думаю про Снайпера. Жду, когда он выйдет на учебу. Он сказал через две недели, но я всё равно на переменах и в столовой осматриваю окружающих студентов. Егора видела, но думаю, если бы Глеб пришёл, то они были бы вместе.

Это так волнительно. И ещё я думаю, что сказать ему при встрече. Наверное, стоит извиниться перед ним, он ведь не виноват, что я так поступила. Может хотел помочь мне...

– Жаль. Тогда мы с Катей потом расскажем тебе всё в подробностях, – она одаривает меня улыбкой, вновь отворачиваясь к Агапову.

А вечером ко мне в комнату врывается Катька.

– Как я тебе?

Она крутится вокруг себя, демонстрируя мне короткое розовое платье и высоченные каблуки.

– Я думаю, что это слишком, – честно отвечаю, зажав кон-

чик карандаша между зубов. Снова рисую в скетчбуке, пока она собирается на вечеринку в клуб. Сегодня суббота, и на улице жарко, поэтому она выбрала максимально лёгкий наряд. Как по мне, это вульгарно: открытая спина и обнажённые ноги. А с её ростом...

– Ой, кого я спрашиваю, – цокает она и уходит к себе в комнату, оставляя меня с моим новеньким незавершённым портретом.

Ноутбук стоит рядом. Я отправила кучу объявлений и периодически заглядываю в экран, чтобы проверить, писали ли мне по работе.

Она уходит, и я остаюсь одна. Рисую, ищу работу, а после включаю музыку на ноутбуке и танцую. Закрываю глаза, отдаваясь ритму и движениям. Представляю себя в клубе вместе с девчонками, хоть и не была там ни разу. Там много алкоголя и пьяных людей, судя по фильмам, а это меня отталкивает. Не хочу видеть то, что видела ещё совсем недавно. Как родители приводили своих собутыльников и как кричали, ругались, дрались. Меня не трогали, и я этому очень рада. Правда, и не замечали меня. Я редко видела их трезвыми, но и тогда им не было до меня особо дела. Отец работал на вахте, и когда его не было дома, мама пила без него. А когда он приезжал, то, пока был трезв, оставлял деньги в моей комнате и тоже уходил в запой. Не хочу так жить.

От воспоминаний чувствую мурашки по коже, а следом слышу уведомление. Подхожу и вижу сообщение от Любы.

Новый аккаунт я так и не создала, но у меня был в другой соцсети, где у нас чат группы.

Любовь Малинина: «ЗЛАТА! Ты не поверишь, тут Глеб!»

И следом отправляет фото. Оно тёмное, но я вижу, как вдалеке стоят близнецы. Мои руки начинают трястись, хоть я до конца и не могу понять, кто из них Снайпер.

Это что же получается? Он выздоровел?..

Сердце бешено начинает стучать, а паника окутывает всё тело. Глаза наполняются слезами, я ведь так скучаю по нему. Мой бро...

Пока Люба уговаривает меня на пару с Катькой ехать к ним, я взвешиваю все за и против. А вдруг он тоже пьян? У меня ведь даже нет телефона, как я поеду?.. Нет, точно нет! Уже ночь, я не рискну в такси ехать без связи, поэтому отписываюсь девчонкам и ложусь спать с мыслями, что в понедельник наконец-то увижу его.

Только он так и не появляется. Как и во вторник, и всю неделю. Я жду каждый день, но всё напрасно.

И Егор снова взялся за своё. Обзывает меня при каждом удобном случае. Даже, когда стояли с Катькой у универа. Она так взбесилась, что полила его такими словами, от которых у меня уши в трубочку сворачивались. А ведь я от родителей много слышала в своё время. Но Егора они совершенно не задели, он так откровенно посмеялся над нами и просто ушёл.

И, как назло, мы стали сталкиваться каждый день! И каж-

дый день он доводил меня своим отношением. За ним и другие начали повторять. Что я ему сделала?! Я старалась быть невидимой, когда он появлялся в поле моего зрения, но каждый раз слышала «очкастая блоха». И ладно с очками все понятно, но почему блоха? Обидно до жути.

В выходные мне, наконец-то, удаётся найти работу. В цветочном магазине через три улицы от дома. Буду развивать себя в сфере флористики. Да и это не далеко, всего-то минут двадцать пешком.

Я так переживала, что встала раньше и долго готовилась к собеседованию. Даже немного накрасилась, одолжив у Катки тушь и блеск для губ. Получилось неплохо. Она оценила. Я искала, что же надеть и наткнулась на розовый свитшот – подарок Катки. Решила надеть его. И, вообще, я уже настроилась поговорить с Глебом, поэтому пора вернуть эту красивую вещь.

Хозяйкой цветочного оказалась очень красивая девушка. Миниатюрная блондинка Владислава Олеговна. Она попросила называть её просто Ладой. Она беременна, и ей нужна помощница. До этого она работала сама, так как очень любит работать с цветами, создавать невероятные букеты и композиции. Эта работа мне сразу подошла. Лада оценила мой вкус, и ей понравилось, когда я в воскресенье вышла на стажировку. Мы договорились, что я буду подменять её после обеда и до десяти вечера. В моём расписании максимум три пары в день.

И в понедельник я была настолько счастливая, что надела свой сарафан, который мне перед отъездом сшила и по-

дарила тётя Таня, и про который я совсем забыла. Персиковый и до колен. Катька аж поперхнулась чаем, увидев меня утром на кухне. Моё хорошее настроение длилось до большого перерыва. Катька уже ушла домой, так как у неё была всего одна пара, а Люба с Тимом задержались в деканате на собрании.

– Подвинься, очкарик, – этот голос во мне вызывает неконтролируемую дрожь.

Я чувствую толчок в бок, и меня ведёт в сторону, отчего я роняю поднос себе под ноги. И вся очередь начинает шептаться, пока я густо краснею под их смешки. Ощущение предстоящих слёз давит на меня, как и зародившаяся в груди злость.

Я устала от *его* дурацких издевательств, которые длятся уже две недели. С того момента, как я впервые подошла к зданию университета и открыла дверь. Он тот, кто подвиг всех моих однокурсников считать меня никчёмной блохой – капитан футбольной команды, не способный мыслить разумно. Хам!

Мои руки неприятно дрожат, когда я наклоняюсь за подносом, сдерживая ненавистные слёзы. Обидно до жути. Но тут моих волос кто-то невесомо касается, после оттягивая тёмную прядь. И это конечно он – дурак.

– Не обязательно у меня в ногах ползать, очкарик, – очередное оскорбление в мою сторону, за которым следует уже оживлённый смех студентов, и я не выдерживаю. Выхваты-

ваю взглядом ближайший стакан с компотом и поднимаюсь на ноги. Достая свою никчёмную смелость из глубины души и, схватив стакан, разворачиваюсь. Натыкаюсь на спокойные янтарные глаза хама и обливаю его ещё тёплой жидкостью, пока не передумала.

Он явно не ожидает от меня подобного, поскольку удивляется и поднимает брови. Его белая рубашка вся в разводах.

– Ты чуток перепутала, очкарик, – слышу насмешливый знакомый голос сбоку и резко поворачиваю голову на звук. Встречаю весёлый взгляд этого дурака и мой пульс учащается.

Что?..

Медленно возвращаю взгляд на парня перед собой, которого облила. Сердце в пятки падает от осознания. В его глазах злость, а в моих растерянных – готовые вырваться наружу слёзы.

Не оборачиваясь, бегу под оглушительную тишину столовой, а потом до меня доносится извиняющийся голос капитана футбольной команды:

– Бля, Глеб, сорян. На, возьми мою футболку.

А следом одобрительные вздохи и улюлюканье студентов.

Глеб... Снайпер.

Слёзы катятся по щекам, когда я залетаю в ближайший туалет.

Блин!

Блин, блин, блин! Снайпер, он вернулся на учёбу, и тут

такое. Позор.

Я сижу в кабинке и пытаюсь сдержать накатившую истерику. Тело дрожит, и я глубоко дышу. Я заметила, что Глеб и Егор абсолютно одинаковые. Легко перепутать.

Как же мне теперь перед ним извиниться?.. Капец... Я была настолько шокирована, что даже не заметила во что они были одеты.

Сижу так почти весь перерыв. Смотрю на наручные часы и беру себя в руки, потому что до начала пары осталось пять минут. Заплетаю косу из-за ужасной духоты и, умывшись ледяной водой, иду на пару. Хорошо, что сегодня тушь не использовала, а то гарантированно превратилась бы в панду.

Мысли не покидают, и я думаю, что обязана извиниться перед Глебом. Он не заслужил того, что я облила его. Перепутала с его дурацким братом. Но его взгляд... Он был зол.

Захожу в аудиторию под смешки студентов. Любы с Тимом нет, и одноклассники позволяют себе поиздеваться надо мной. Как попугаи повторяют «очкарик» и «блоха». Ничего серьёзного, просто обзывания.

Блин, это по-детски, но мне обидно.

– Вы знали?! – в аудиторию заходит Кристина. – Золотых – двое! Близнецы!

– Да ладно?! – отвечает кто-то из девчонок, а потом и парни делятся увиденным, отставая, наконец-то, от меня.

– Капец, – слышу сбоку. – Этот деканат не дал даже поесть нормально. Нам пришлось бежать в буфет.

Люба с Тимом садятся рядом и начинают есть пирожки. Запах выпечки с мясом сразу заполняет пространство. Желудок тихонько урчит, и я сглатываю.

– Ты и до этого почти ничего не ела, – тихо говорю я.

– Это всё собрание старост. Ты бы видела её голодные глаза, когда мы вышли из деканата, – смеётся Тим.

В группе очень громко обсуждают близнецов, и Люба с Тимом прислушиваются.

– Глеб? – удивляется староста. – Ты слышала?

– Это кто? – с набитым ртом спрашивает Агапов.

– Я облила его компотом, – отчаянно вздыхаю, пытаюсь не смотреть на их выпечку.

– Чего? – она убирает остатки пирожка в пакет и полностью разворачивается ко мне.

– Да кто это? – не унимается Тим.

– Это близнец Егора, что Златку донимает, ты же слышал тогда.

Тимофей и правда один раз слышал, как меня обзывал Егор. Но про Снайпера он не в курсе.

– Дурацкий Егор меня снова обзывал, и я хотела ему отомстить, только отомстила Глебу. Случайно, – опускаю голову.

– Ничего себе...

Звонок уже прозвенел, а преподавателя все ещё не было, поэтому гул в аудитории не затихал. Люба закидывала меня вопросами, когда же я всё расскажу Глебу, а Тим занялся

своими делами, не слушая нас. Я честно сказала ей, что они неотличимы, и я не знаю, кому говорить нужно. Потом нас отвлёк преподаватель.

После пары мы немного задержались в аудитории, так как у Любы сломался замок на сумке, и Тим помогал его починить.

– Блин, я же только купила её недавно, как же так? – Ма-
линина делает такое лицо, словно вот-вот расплачется.

– Ага. Ты так резво дёргаешь «собачку», что она ещё долго
продержалась, – усмехается Тим.

– Мы сейчас на пару опоздаем, вы скоро? – спрашиваю,
ожидая их у двери.

В коридоре шум, поэтому я не с разу замечаю, что за мо-
ей спиной кто-то есть. Только когда моей талии касаются ру-
ки и, приподняв меня над полом под мой вскрик и перене-
ся немного в сторону, отпускают обратно. Сбоку от меня в
аудиторию проходит один из близнецов и идёт на последний
ряд. Люба и Тим замирают, следя за происходящим. А после
кто-то позади толкает меня в плечо.

– Очкастая, чё ты встала тут, мешаешь.

Моё тело каменеет. Неотрывно смотрю на Глеба, что уже сидит на последнем ряду, и никак не могу отвести взгляд. Я так долго ждала нашей встречи. С самого февраля.

Неужели я упущу шанс наладить нашу дружбу?.. Неужели у меня больше не будет Снайпера, и я не смогу поделиться своими чувствами и переживаниями?..

Ощущаю себя виноватой. Это я всё испортила. Трусиха. Я такая никчёмная, поэтому Егор меня ненавидит. Может я и правда блоха? Мелкая, путающаяся под ногами, блоха...

Обзор перекрывает пелена из зародившихся слёз, но я вижу, как Глеб поднял на меня взгляд. Это точно он, ведь Егор только что обозвал меня и теперь идёт к брату.

– Всё, я закончил. Идём, – Тим отдаёт сумку Любе, и они подходят ко мне.

– Придурок, – говорит она в спину Егора и берёт меня за руку. А тот в ответ лишь усмехается и подмигивает.

Всю следующую пару меня терзают мысли. Был ведь шанс поговорить со Снайпером, но я стояла как вкопанная, взгляд отвести не могла, не то, чтобы слово сказать!

И чего я боюсь?.. Того, что он окажется придурком и хамом, как Егор? Да. Лучше ведь оставить нашу дружбу в сердце и вспоминать лучшие моменты, чем разочароваться в человеке, что был тебе ближе собственных родителей.

Трусиха.

Тяжело вздыхаю, совершенно не вникая в тему лекции. Работа после пар отвлекает. Покупателей много, но я всё успеваю. Я ещё путаюсь в некоторых названиях цветов, но в выходные я изучала новую для себя тему, и сейчас мне легче, чем на стажировке. Тут имеется телефон для заказов и доставки. Лада разрешила звонить ей с него в случае непредвиденной ситуации, пока я без собственного. И номер доставщика, что живёт рядом, есть. Хороший знакомый Лады.

Время пролетает очень быстро. Сегодня одни покупки, и телефоном я не пользуюсь. В десять вечера закрываю магазин выданным мне ключом, ставлю на сигнализацию и отписываюсь Ладе о выручке. А ещё рассказываю, как всё прошло, после чего она хвалит меня, и я иду домой. На улице только начинает темнеть, поэтому не страшно. Погода в Москве совершенно отличается от Дальнего Востока. Она последнее время странная и непредсказуемая. В городе Оксаны весь август шли дожди и сейчас тоже, судя по рассказам Соньки, а тут который день невыносимая жара в тридцать три градуса стоит.

– Привет, работяга. Как первый день? – спрашивает Катька, встречая меня у порога.

Чувствую запах чего-то мясного и пряного и только сейчас вспоминаю, что совсем не ела на работе. Да и в универе тоже не получилось перекусить. За работой как-то отвлекалась, а теперь желудок начало сводить.

– Всё супер. Клиентов было много, даже ноги с непривычки болят, – расплываюсь в счастливой улыбке, снимая босоножки. – К концу недели будут первые деньги. Наконец-то! – набрасываюсь на неё с объятиями.

– Ну вот, купишь телефон, чтобы я не переживала. Сегодня столько приколов пересмотрела, и не один не могла тебе переслать. Пришлось одной ржать, – серьёзно заявляет, а потом смеётся.

Время позднее и домашку делать не нужно, поэтому ужиною и возвращаюсь к портрету. Уже далеко за полночь, но дорисовать никак времени не хватает. Завтра перед работой домой забежать не получится, и я кладу скетчбук в рюкзак, чтобы дорисовать уже в цветочном, когда не будет покупатель. Атмосфера там очень вдохновляющая.

Следующим утром, разойдясь с Катькой по своим корпусам, я стою у крыльца и высматриваю близнецов. Решила всё же извиниться перед Глебом. Про «Малину» скажу только в том случае, если он не такой же, как его брат.

Недалеко паркуется белый автомобиль, и из него выходят близнецы. Вдыхаю глубоко воздух, крепко сжимая лямку рюкзака. Ладони вспотели от страха, и волнение волной спускается по спине к копчику.

Примерно года два назад он написал мне, что своим страхам нужно смотреть в лицо. Только переборов их, можно чего-то добиться. И сейчас я буду добиваться его прощения за компот.

Я сразу понимаю, кто из них Глеб. В чёрных брюках и такого же цвета рубашке. А вот Егор в джинсах и футболке. И походка у них совсем разная. Глеб идёт уверенно, и от него веет серьезностью в то время, как Егор расслаблен и весело что-то рассказывает брату. Между нами всё меньше расстояния, и я, сглотнув, заставляю свои руки перестать трястись.

– Привет. Глеб, это я вчера... прости за компот! – получается эмоционально. Не слышу себя со стороны, но, кажется, словно я крикнула это.

Они останавливаются и смотрят на меня.

– Привет, – Глеб окидывает меня взглядом, пока его брат улыбается. Путь только попробует обозвать. Хотя, что я ему сделаю?.. – Забей, Малинка, ничего страшного, – на лице не намёка на улыбку, и они заходят в универ.

Стою с широко раскрытыми глазами и забываю, как дышать. Парализовало всё тело. В реальность возвращает внезапно начавшийся дождь в сопровождении оглушительного грома.

Я стою у крыльца, но до навеса ещё несколько шагов. Первые капли тёплого дождя падают на меня, и их становится всё больше с каждой секундой. Уже теперь на меня обрушивается стена ливня. Дыхание возобновляется после шока, и я забегаяю по ступенькам в здание.

Как он узнал? Это всё из-за того видео?..

Пропускать занятия чревато последствиями, поэтому, не успев заскочить в туалет, чтобы выжать сарафан и волосы, я сразу бегу на пару. Босоножки неприятно хлюпают на каждый шаг, и сарафан промок... И даже неизвестно, сколько он будет сохнуть. Плотная ткань, из которой он сшит, стала совсем тёмной.

Странно, что Егор не поприветствовал меня своим фирменным «очкастая». Неужели Глеб ему что-то рассказал про меня? Да и раз Снайпер знает, что Малина – это я, почему ведёт себя серьёзно и сдержано? Не рад?..

Забежав в аудиторию, останавливаюсь рядом с партой у окна. Оно приоткрыто, и я чувствую прохладу, доносящуюся с улицы. Небо стало тёмным и засверкало молниями. Оголённые участки кожи покрываются мурашками, и я закрываю окно. В аудиторию забегают студенты, такие же промокшие, как и я. Но Люба заходит сухая.

– Привет, подруга. Попала под дождь? – она ставит сумку

на стол и садится рядом. – Хорошо, что мне пришлось раньше приехать вместе с отцом, а то без лифчика я бы сейчас со стыда сгорела, – заканчивает она шёпотом, наклонившись к моему уху и хихикает.

– Оу. Да уж.

Я разворачиваюсь к окну. Пока никто не видит, убираю рюкзак с колен, из которого только что всё вытащила, и опускаю взгляд на свою грудь.

О нет... Блин, блин, блин!

Сегодня я без бюстгалтера. Редко ношу его, да и из-за плотной ткани сарафана с ним очень уж жарко. Щёки моментально заливает румянцем, когда вижу две небольшие выпуклости сосков на мокрой ткани. Складываю руки на стол, немного опускаясь на них. Стыдно-то как... Бежала я, прижав к себе рюкзак, а значит никто не должен был заметить мой позор. Спасибо хоть за это.

– Тимоша заболел. Сегодня будем девчачьей компанией, – говорит она и, причмокнув губами, убирает блеск в сумку.

– Передай от меня, чтобы выздоравливал.

И все мысли о том, как в такую погоду на работу добираться. И зонта у меня с собой нет. Нужно что-нибудь придумать за три пары.

– Кто-нибудь знает, как найти Глеба в соцсетях? – спрашивает Кристина у своих подруг, смотря в телефон. Втроём они садятся сразу перед нами.

– Не знаю, Крис, – вздыхает Рита, начиная расчёсывать

свои чёрные мокрые волосы. – Дебильный ливень, всю причёску испортил.

– Я только Егора нашла, но он так и не принял заявку в друзья, – отвечает Эля.

– Я Егора тоже нашла. Всех друзей его перерыла, но Глеба не вижу, – Кристина блокирует телефон и откидывает голову назад, отчего холодные капли летят мне в лицо.

Шиплю, отодвигаясь.

– Ой, прости, очкарик. А вы не знаете страницу Глеба? – она поворачивается к нам и смотрит на Любу.

– А ты не охренела? – возмущается староста. – Знаю, но скажу, если извинишься за очкарика.

– Пф. Ну и ладно. Сама найду, – отворачивается и снова лезет в свой телефон.

И почему я не могу также ответить? Я ведь точно знаю его страницу. Только всё равно бы не дала никому. Глеб говорил, что раньше его доставали в соцсетях, и тяжело было переписываться с друзьями. И сейчас у него другое имя – Снайпер.

– А ты-то за неё почему говоришь? – влезает Эля. – Ей не нужны извинения, видишь молча глотает всё. Да, очкарик? – и усмехается в мою сторону.

Я морщусь, ощущая панику. Да блин, когда это всё прекратится и наступит мир?.. Без всяких оскорблений. Люба сжимает мою ладонь под партой и кивает на девчонок. Хочет, чтобы я им ответила? Да, блин...

– Один баран сказал, и его стадо стало повторять. Тупость,
– Люба отпускает мою руку, и тут входит преподаватель.
Звонок прозвенел давно, и он опоздал.

– Что ты сказала? – шипит Рита. – Назвала нас баранами?

– А ты подтвердила, – кивает Люба и, открывая тетрадь, берёт ручку.

– Сука. Поговорим после пары, – скалится эта Рита, а Кристина с Элей улыбаются.

Смотрю обеспокоено на старосту, но та, заметив мой взгляд, закатывает глаза.

Лекция проходит обычно, но я переживаю за сказанное Ритой. О чём они собрались говорить? Ненавижу разборки. В деревне у меня была Катька, тут Люба. Хорошо в городе Оксаны меня не трогали. Сама бы я точно стала изгоем. Бесхребетная Злата. Тяжело вздыхаю, привлекая внимание Любы.

– Что такое? Переживаешь, что ли? – спрашивает она, но писать за преподавателем продолжает. – Забей, они ничего не сделают. Тем более, дочке ректора, – подмигивает и улыбается.

Капец, мне бы столько смелости.

И староста оказывается права: ни на перемене, ни после пары они так и не подходят к нам. Мы спокойно гуляем по коридору универа, разминая мышцы после долгого сидения. Несколько раз вижу близнецов, и тут же меняю направление, утягивая за собой Любу. На третий раз она понимает в чём

дело и тормозит меня, заставляя рассказать почему я их избегаю. Ну Егора понятно – чтобы не нарваться на очередное оскорбление. Хотя утром его не последовало, что очень странно. А вот Глеба почему, я и сама не понимаю. Стесняюсь его. Он знает, кто я. Но знает ли он, что я тоже знаю кто он? Можно же притвориться, что ни о какой Малине я знать не знаю, решив, что он просто назвал меня так у крыльца.

– Дурочка ты, Злата, – улыбается Люба после моих невнятных рассуждений. – Такого друга потерять решила? Я бы на твоём месте уже бежала к нему с объятиями. Типа «О, друг! Сто лет, сто зим не виделись», – она смеётся. А заметив мой скептический взгляд, добавляет: – Ну правда, вы же не виделись в живую три года. А если учесть, что и до этого... ой всё, решай сама.

И только я хочу ей ответить, как из-за поворота снова выходят они. Ловлю на себе взгляд Глеба и по привычке перехватываю руку старосты, а она, закатив глаза, смиренно следует за мной.

Вторая пара проходит спокойно. Кристина, Рита и Эля нас не трогают, но неприязненные взгляды всё же бросают.

В буфете не протолкнуться. Из-за непогоды многие, кто до этого обедал в кафе через дорогу или в столовой в центральном корпусе, сегодня решили перекусить тут. Дождь и не думал прекращаться. Наоборот – он только усиливается.

Когда до нас доходит очередь, я беру кофе и пирожное, а Люба, как обычно, решила обойтись одним батончиком. Смотрю на неё, но изменений в похудении не замечаю. Первого сентября она была точно такая же – стройная, даже худее многих.

Народу полно, поэтому мы решаем перекусить в коридоре. Выходя из буфета, наталкиваюсь на студента, что как раз шёл сюда. Несколько капель кофе падает на пол, обливая мою руку.

– Ой, простите, – говорю, отходя на шаг и передаю кофе Любе, стряхивая с руки горячие капли. А затем поднимаю глаза.

– Да-а, ещё и неуклюжая. Малина-а... – медленно проговаривает Егор, засовывая руки в карманы. – Бросила моего братишку, а теперь избегаешь. Правильно делаешь, такая подруга ему точно не нужна, – усмехается и обходит меня.

– Откуда ты... – произношу настолько тихо, что кроме ме-

ня никто и не слышит.

– Ладно, – Люба возвращает мне кофе и оборачивается к Егору. – В этот раз он тебя хотя бы не обозвал. А друга своего ты, получается, и правда кинула, – она пожимает плечами и выходит из буфета.

Получается... Удалилась из соцсети, а теперь игнорирую нашу дружбу. И с каждым днём шансов вернуть всё назад меньше...

Мы расположились у ближайшего подоконника. Пока Люба переписывалась в чате чирлидерш, я допивала кофе, наблюдая за свинцовыми тучами. Голова начала болеть от разных мыслей. Или это из-за погоды. Я ведь ещё не придумала, как буду добираться до работы...

Вздыхаю и поворачиваюсь к окну спиной, поясницей упираясь в подоконник. Вижу, как Глеб заходит в буфет, а ещё то, что за ним туда забегает Кристина с подругами. Хмурюсь, потому что не готова терять друга, но и смелости подойти к нему ещё раз не хватает.

– Злата! – вскрикивает Люба, и я вздрагиваю, выронив пустой стаканчик из-под кофе. Хорошо, что успела его допить. – Пару отменили! – она, подняв руки вверх вместе с телефоном, делает оборот вокруг себя.

И я тоже этому рада. Улыбка появляется на моём лице, ведь практика у Дениса Викторовича – ещё тот ад.

Люба уезжает с отцом, у которого рабочий день на сегодня, видимо, закончился, а я остаюсь у окна. На улице льёт

пуще прежнего, и поднялся ветер. Верхушки деревьев качает из стороны в сторону, и от этого вида мороз по коже пробегает. Решаю вызвать такси, как только эта пара закончится. Хоть и экономлю деньги Оксаны, но тут придётся разориться.

Коридоры совсем пустые, и вокруг тишина. Сажу на подоконнике, облокотившись о стекло, и решаю дорисовать портрет. Достāju скетчбук, уголь и, поудобнее устроившись, начинаю творить.

Я снова рисую его. Снайпера. Наверное, моему розовому скетчбуку пора дать это имя, ведь кроме его портретов, там ничего нет. Такое страшно приносить в универ.

Увлекаюсь настолько, что не слышу ни единого звука. Полностью погружаюсь в творчество, наклонив голову и закусив губу. Всегда так делаю, когда чем-то увлечена. Поэтому не сразу замечаю, что кто-то со мной разговаривает. Лишь когда у меня из рук пропадает пушистый скетчбук.

– Эй! – возмущаюсь, потянув руку к моей вещи, но кто-то поднимает скетчбук вверх, и всё ещё в надежде его схватить, я встаю на колени прямо на подоконнике. И, не удержав равновесие, хватаюсь за первое, что попадает под руки. Чьи-то плечи. И лишь опустив взгляд, понимаю, что это Глеб.

Его взгляд серьёзный, а одна бровь приподнята. Мои глаза расширяются, и я делаю очередную попытку выхватить скетчбук, только теперь почти падаю на Глеба, и ему приходится обхватить меня свободной рукой за талию, чтобы я не

свалилась окончательно.

О, нет!

– Отдай, – произношу тихо, и по позвоночнику проносится паника. Я даже не обращаю внимание на позу, в которой мы находимся, ведь рисунки сейчас куда важнее. Хорошо, что он его закрыл, когда отобрал. Он ведь не заглядывал туда, пока я была сосредоточена?..

Сглатываю, чувствуя, как щеки покрываются жаром.

– Почему избегаешь меня?

Его лицо слишком близко. Ощущаю тепло его руки, что прижимает меня к его торсу. И меня словно водой ледяной облили. Отшатываюсь от него настолько резко, что ударяюсь затылком о стекло.

– Ай, – шиплю, хватаясь за голову и протягиваю вторую руку вперёд. – Верни, пожалуйста.

– Только если ответишь на вопрос, Малинка, – стоит на своём Глеб.

В отчаянье надуваю щёки. Вот и пришло время поговорить. Сажусь на подоконник, поправляю задравшийся сарафан, но продолжаю наблюдать за его рукой, поднятой вверх.

– Я... Я не знаю, – отвечаю честно и очень тихо. – Я не знала, какой ты в живую. Вдруг, как Егор? – перевожу взгляд на его глаза. Чистый янтарь. – Я боялась, но... А потом я... – шумно выдыхаю и опускаю взгляд, теряясь в собственных мыслях. – Прости меня. Я не хочу терять тебя. Наша дружба для меня очень важна. Ты злишься, да? – прекращаю разгля-

дывать свои руки, снова поднимая взгляд.

– Малинка, – его уголок губ приподнимается, а потом он и вовсе начинает улыбаться. Замечаю ямочки на его щеках.
– Вообще-то, я обиделся, как исправлять будешь? – и он, продолжая улыбаться, убирает мой скетчбук в свою сумку.

Я смотрю на удаляющуюся спину Снайпера и думаю о том, какой я плохой друг. Я собственноручно чуть не лишилась такого замечательного человека в своей жизни. А он и правда обиделся... Так я и думала.

Блин!

– Глеб, подожди! – спохватываюсь и, спрыгнув с подоконника, несусь за ним. – Что мне сделать, чтобы ты простил меня? – останавливаюсь рядом и, сложив ладони домиком, умоляюще заглядываю в его янтарные глаза. На самом деле я рада, что он улыбается мне. Значит простит, да?..

Он усмехается, смотря прямо вдоль широкого коридора. Затем кладёт руку мне на плечо и, усмехнувшись, произносит:

– Я подумаю, а сейчас мне пора, Малинка. Ещё увидимся, – легонько хлопает по моему плечу и поворачивается в сторону лестницы.

– А, – торможу с открытым от удивления ртом, смотря снова на его крепкую удаляющуюся спину. – Ладно, – произношу уже в пустоту.

Бро. Снайпер. Глеб Золотой. Вот мы наконец-то встретились и поговорили!

Подойдя обратно к подоконнику, упираюсь в него руками и радостно пишу, подпрыгивая на месте. Мой писк проходит

эхом по коридору, заставив резко прекратить.

– О-фи-геть...

Интересно, что он придумает для меня, чтобы я была прощена? Может мне опередить его и испечь ему что-нибудь?..

Блин, Злата! Ты собралась тащить в универ выпечку?

Да и когда печь, у меня ведь работа. Не ночью же. А может... подарить ему цветы?..

– Пф, совсем спятила, – тарабаню пальцами по подоконнику, упираясь лбом в холодное стекло. Ливень уже весь обзор загородил собой.

Нужно будет хотя бы кофе ему купить, самый вкусный. Или даже подарить один из портретов. Сказать, что только сейчас нарисовала.

– О, нет!

Поворачиваю голову к рюкзаку, вспоминая о страшном – он забрал мой скетчбук!

Капец!

Вся на панике я сижу на подоконнике ещё минут двадцать, думая о его реакции, если он заглянет в рисунки. А когда звенит звонок с пары, я вспоминаю, что и телефона у меня нет. И как я собиралась вызывать такси?! Совсем из головы вылетело...

Вздыхаю и настраиваю себя на то, что придётся сначала добежать домой, а потом уже переодеться и с зонтом бежать на работу. По лужам. Ещё с ветром бороться, чтобы не унесло несчастный зонт.

Дурацкая погода.

Спускаюсь на первый этаж и замечаю Кристину с подружками. Отворачиваюсь и ускоряю шаг, чтобы они не пристали ко мне и не задержали. И так, скорее всего, опоздаю в цветочный. Я даже не могу предупредить Ладу. Проклинаю сама себя за забывчивость и трусость!

Находясь на крыльце универа, ощущаю невыносимый холод. Он пробирается под сарафан, заставляя мурашки расползтись по всей коже. А капли дождя, что добираются до меня, острыми иглами впиваются в тело, и я уже не так решительно настроена на данную прогулку до дома.

На крыльце также, как и я, стоят ещё множество студентов. Толкаются и громко разговаривают. От пронизывающего ледяного ветра я никак не могу устоять на месте. Ещё и ребята пихаются от того, что места для всех недостаточно. Я уже почти на самом краю, из-за чего по лицу больно бьют капли дождя.

Сквозь плотный ливень стеной виднеются машины.

Везет же тем, у кого они есть... Хотя и тем, у кого есть телефон, тоже везёт. Ох, такси бы мне сейчас не помешало.

Скулю от отчаянья и, набрав полный лёгкий воздух, готовлюсь сделать первый шаг в ад. В гигантские лужи, будучи в босоножках. И не могу сдержать крика, когда ступаю вперёд. И это хуже, чем быть облитым ледяной водой с утра!

Ускоряю шаг, так как бежать не получается. Сарафан становится тяжелым также, как и рюкзак. Волосы неприятно

примыкают к щекам и шее, а очки приходится снять и крепко сжимать в руке. Непроизвольно на глаза наворачиваются слёзы. Я не вижу почти ничего без очков, а со стеной ливня и подавно. Слышу сигнал машины сбоку, но всё моё внимание занимает дорога вперёд. Думаю о том, что живу недалеко. Утешаю себя этим. Машина сигналиит ещё несколько раз, мешая мне думать о приятном, чем выводит из себя.

– Да что вам надо! – громко кричу, но из-за шума ветра и ливня не слышу даже сама себя.

Замечаю что-то большое сбоку, а потом оно перегораживает мне путь до дома. Приходится остановиться и протереть глаза, чтобы увидеть хоть что-то. Слёзы ручьем льются, а мокрая рука вместе с ливнем не помогают их протереть и разглядеть хоть что-нибудь.

Тут меня неожиданно кто-то берёт за руку и тянет вбок. И мне уже всё равно становится: от боли острых и ледяных капель и от того, что я почти перестала чувствовать своё тело. Меня трясёт, а по коже раз за разом проносятся мерзкие ледяные мурашки. И резко становится гораздо тише. И дождь уже не льётся на меня. Слышу хлопок и движение рядом. Понимаю, что я сижу у кого-то в машине.

Отлично, в такую погоду легче всего воровать незащищенных девушек.

Страх быть похищенной отрезвляет и я, развернувшись к двери, пытаюсь нащупать ручку.

Блин, только не это...

Но когда слышу, как щёлкает блокировка, замираю. Потом смешок, а затем как горячий воздух касается моих заледенелых коленей.

– И куда ты собралась в такую погоду? Заболеть решила? – слышу за спиной, продолжая держать ручку и утыкаясь лбом в боковое стекло.

Глеб.

– А я говорил, что она странная. Особенно, когда телефон расквасила об стол, – смех с заднего сиденья заставляет повернуться к говорившему это.

Егор.

А ведь всё из-за него! Если бы он не обзывал меня, я бы не боялась признаться Глебу в том, что я Малина! И телефон бы не разбила!

Да, точно, во всём виноват дурацкий Егор.

– Ненавижу тебя, – медленно проговариваю в ту сторону, откуда слышала его голос.

– Меня? А что я такого сделал-то? – удивляется Егор, наклоняясь вперёд. Так, что теперь он нависает между передними сиденьями. Я даже чувствую, как его горячие пальцы невесомо касаются моего холодного и мокрого плеча.

Капец, да я же всю машину Снайперу сейчас испачкаю!

Тело всё ещё трясётся. Руки ослабли, и мои очки выпадают из рук прямо мне под ноги. Что ж за день сегодня?... Пожалуйста, лишь бы они были целые...

Тянусь за очками, рукой водю по резиновому коврику, что под ногами. Я высокая, и мне совершенно не удобно. Особенно учитывая то, что я ничего не вижу сейчас.

– Да чтоб тебя! – наклоняюсь ниже, и мои движения становятся дёрганными. Кажется, я на пределе.

Стук дворников по стеклу, смешок сзади и горячий воздух, что сейчас дует на мою макушку, только усиливают моё напряжение. Наконец-то, найдя очки, я возвращаюсь в исходное положение, но прежде бьюсь головой о бардачок.

– Да блин... – протяжно скулю, хватаясь одной рукой за голову и, наконец-то, нормально сажусь.

– Малинка, – произносит Глеб, и я чувствую, как он, приобняв меня за плечи, гладит по ушибленному месту. – Аккуратнее.

– Ц, неуклюжая...

Глеб отстраняется, и я слышу шлепок, а после снова противный голос:

– Эй, за что?

Как же он достал меня. Тупой Егор. Хорошо, что Глеб защищает меня. От своего брата.

Молчу, решив его игнорировать. Пытаюсь протереть очки от капель, но только размазываю воду и грязь по стёклам.

– Держи, – замечаю протянутую салфетку сбоку. Точнее я вижу лишь белое пятно.

– Спасибо, – отвечаю тихо, так как моя злость сошла на нет.

И в кого я такая пошла?.. Все в моей семье с характером. Чего только стоила моя бабушка. Вот она в обиду себя не давала, ну и меня соответственно тоже. Мне, вообще, казалось, что она добрая только со мной. А когда говорила с другими, её голос и взгляд были холодными.

Мама с папой тоже были не лапочками. Много матерились, орали. Несколько раз я видела, как они дрались друг с другом. Хотя это и нельзя было назвать дракой, поскольку они сильно шатались, и их движения были заторможенными, но все же... Они все были смелее меня.

Одна лишь Оксана спокойная. Молчаливая, но я уверена, что и она имеет стержень. А может я как раз в неё пошла, и мой стержень тоже проснётся рано или поздно?..

– Куда тебя подвезти? – спрашивает Глеб, вырывая меня из мыслей о храбрости.

– Домой, наверное, – называю адрес нашей с Катькой квартиры.

Хотя можно было попросить подвезти меня сразу на работу, чтобы не идти потом с зонтом и по лужам, но мой вид наверняка ужасен.

Достаю из вымокшего рюкзака зеркало и осматривая своё лицо и волосы. Да, в таком виде мне точно на работу нельзя. Замечаю Егора, что смотрит на меня из зеркала и ухмыляется. Хмурюсь, но он глазами показывает посмотреть вниз. Непонимающе опускаю взгляд и...

О, нет! Дурацкий сарафан! Я же без лифчика сегодня!

Блин! Блин! Блин!

Ещё и кто увидел? Егор!

Лицо резко становится красным, и я сглатываю вязкую слюну. Проклинаю себя в сотый раз за забывчивость. Незаметно кошусь на Глеба, но он спокойно ведёт машину. Прижимаю мокрый рюкзак к груди, пряча за ним грудь.

Какой ужас. Надеюсь, он никогда не скажет об этой ситуации вслух. Тогда я помру на месте от стыда. Я и сейчас-то, благодаря мягкому замшевому креслу, держусь.

– Да-а... – тянет Егор, откидываясь на заднее сиденье. – И почему не я сижу на переднем сиденье?

– Заслужил, – вдруг вырывается у меня, а у Снайпера смешок.

– Малинка, – Егор опять появляется между нашими сиденьями, и я поворачиваю к нему голову. – Я что-то не понял,

ты зубки показать решила? – щурится. Его рот приоткрыт, и он проводит языком по внутренней стороне нижней губы. Залипаю на секунду, сглатываю и отворачиваюсь.

Ненормальный. Дурак.

– Егор, успокойся. Подругу мою не обижай. И для тебя она не Малинка.

О, мой бро!

Смотрю на Глеба с восхищением. Спасибо всему, что он отличается от своего дурацкого близнеца. Вот бы и внешность у них отличалась. Хотя уже сейчас я могу различать их по разговору и мимике. Спасибо моим художественным подмечаниям деталей.

– Ой, всё. Да мне, вообще, похрен на твою Малину, – перевожу взгляд на него, он достаёт телефон и вновь откидывается назад. Резко поднимает на меня взгляд, словно выстрел, и я возвращаю свой к лобовому стеклу.

Он не обзывает меня, потому что Глеб ему сказал?.. Скорее всего...

Минуту мы едем в тишине. И тут я вспоминаю про скетчбук.

– Глеб, – говорю тихо, чтобы нас не услышал его брат и тяну за рубашку.

– М? – он поворачивает ко мне голову лишь на секунду, снова возвращаясь к дороге.

– Верни мне мой альбом, пожалуйста.

Не решаюсь спросить, заглядывал ли он туда. Обычно лю-

ди после такого вопроса желают это сделать.

Он улыбается.

– Ах, да.

Мы как раз останавливаемся на светофоре, и Глеб разворачивается к Егору.

– Поддай мою сумку, – говорит он брату.

Я тоже поворачиваюсь назад. Егор опять цепляется своим янтарным взглядом за мой зелёный, протяжно вздыхает, словно его оторвали от важного дела и, отложив телефон, тянется к сумке. Поднимает её, но она оказывается открытой.

– Чё это? – спрашивает дурацкий Егор и тянет за розовый, торчащий из сумки, уголок моего скетчбука. – Что за цвет, братишка? – он держит его двумя пальцами, словно ему противно.

Я в панике дергаю за рукав Глеба.

– Давай его сюда, – Глеб протягивает руку к Егору, но этот неандерталец уже открывает мой альбом.

Охваченная сильнейшей паникой, я отрываю от себя вымокший рюкзак и бросаю его в лицо Егору, пока он не увидел секретное содержимое скетчбука.

Ни за что не позволю ему открыть его и увидеть своего брата. А самое страшное то, что он может подумать, что я рисовала его. Он ведь не знает про то, что Глеба я знала за долго до этого.

Или знает?.. А почему Глеб не спросил, откуда я знаю, что он Снайпер?.. Ну, почему не удивилась там, что это он, например?..

Дурацкий, дурацкий Егор! Везде ему надо свой ровный нос сунуть!

– Эй! Совсем больная? – он злится и, потирая ошарашенное удивлением лицо, смотрит на меня.

А я же, недолго думая, лезу через сиденье, чтобы забрать, наконец-то, своё. Глеб возвращается к рулю, потому что нам уже сигналит машина за нами. Видимо загорелся зелёный свет.

– Отдай! – вскрикиваю.

Я уже почти полностью перелезла на заднее сиденье. Руками держусь за передние спинки и спиной упираюсь в крышу автомобиля. С моим ростом не легко провернуть подобное. Хорошо, что я достаточно гибкая.

– Малинка, что ты... – Глеб не договаривает. Он поворачивает машину, и меня ведёт в сторону, отчего капли с моих волос попадают на Егора, заставляя его морщиться.

– Фу! Ты из какого болота вылезла, вообще?

Он рукой протирает лицо, держа в другой розовый скетчбук, пока я пытаюсь удержать равновесие. Мы как раз подъезжаем к нужному дому, а перед этим нужно сделать несколько крутых поворотов.

Егор грозно смотрит на меня, а затем, загадочно улыбнувшись, словно раскрыл невероятно секретную тайну, произносит:

– Так это твой блокнот, что ли? А то я уже подумал, что понравился тебе, вот и лезешь тут ко мне... Хах, ну давай посмотрим, что ты там пишешь. Может обо мне?

И хорошо, что я там не пишу, а рисую. Только это ни фиги меня не успокаивает. Я чувствую волнение вперемешку с паникой, и мои щёки краснеют заранее.

Такой как ты мне не понравится никогда! – мысленно кричу.

Он отклоняется от моей протянутой руки и, закинув голову на подлокотник, поднимает скетчбук над собой, собираясь его раскрыть.

Только не это!

Я, забив абсолютно на всё, в том числе на то, в какой позе нахожусь, шатаюсь из стороны в сторону из-за резких поворотов машины, почти прыгаю на Егора, ударяя его случайно

коленом. Тянусь за своим секретом. И как у меня ещё очки не слетели?..

Он резко начинает стонать от боли и, в попытке согнуться, ударяется о мой лоб своим, и тут уже пишу я. Больно до звёздочек перед глазами.

Ну вот, теперь снова искать очки...

Моментально забываю про то, что собиралась сделать и отчаянно тру больное место. Его руки ложатся на мою талию, до боли сжимая кожу, отчего я шиплю, елозя на его коленях.

– У вас всё нормально? – машина останавливается, и я слышу взволнованный голос моего Снайпера с переднего сиденья.

– Да ни хрена! – вопит этот дурак. – Она мне все яйца отдала!

Его слова бьют по моим шатким нервам, и я судорожно пытаюсь слезть с него. Его руки вцепились в меня намертво, не давая сдвинуться ни на миллиметр.

– Отпусти, – рычу, вспомнив про скетчбук, и пытаюсь оторвать от себя его руки.

– Да прекрати же дёргаться! – говорит Егор, и мы резко замираем.

Я, потому что чувствую что-то твердое под своей попой. А почему он – знать не хочу. Смотрит вниз, а затем поднимает глаза на меня.

– Только не это! – вопит на всю машину, скидывая меня с себя, словно мусор. – Всё, отвали!

Падаю на сиденье рядом, снова ощущая холод от мокрой одежды. Или это Егор такой горячий?..

Рукой нащупываю что-то пушистое рядом.

Мой скетчбук!

Хватаю его, прижимая к груди, и, вспомнив про очки, наклоняюсь вниз, чтобы найти их. Замираю снова, когда слышу многозначительный хруст.

– Ой, – произносит дурацкий Егор, тоже наклоняясь и поднимая что-то с пола.

И не дай бог – это то, о чём я думаю.

– Идиот, – слышу с переднего сиденья голос Глеба.

– А я-то при чём? Она сама налетела на меня. Я не виноват, что у меня под ногами это валялось. Да и, если честно, без очков ты хоть немного на человека похожа, – вижу, что он поворачивается в мою сторону, протягивая мне мои очки. Точнее то, что от них осталось.

И такая злость зародилась на него в венах, что я, подняв скетчбук, со всей дури луплю его по его тупой голове, в которой и мозгов наверняка нет. Иначе бы не решилась.

Дождь, не переставая, хлещет по машине, издавая гулкий звук многочисленных ударов. Через стекло ничего не видно, а учитывая, что я без очков, то и подавно. Одно сплошное расплывчатое изображение.

Спасибо одному ненормальному...

– Сколько времени? – спрашиваю, смотря в сторону Глеба, прижимая при этом свой скетчбук к груди, и пытаюсь отыскать руками на ощупь рюкзак.

– Пол второго, – отвечает и поворачивается к нам. – Давай я тебя провожу.

Снайпер знает, что без очков я почти ничего не вижу. Мы как-то переписывались на эту тему.

Егор отсаживается от меня вплотную к окну, снова что-то листая в телефоне. Я это понимаю из-за звука клацанья по экрану. Затем шуршит и ёрзает, а после в меня прилетает мой рюкзак.

Ну спасибо, блин! Джентльмен, ёмаё...

– Спасибо, – всё же отвечаю, но тихо. И даже надеюсь, что он не услышал. Не могу быть неблагодарной.

А Глеб, накинув ветровку, выходит и обходит машину. Он припарковался рядом с подъездом и на этот раз я не промокну.

– Пока, – прощаюсь с неандертальцем. Только потому, что

он брат Снайпера.

Слышу, как он блокирует телефон и двигается ко мне. Вжимаюсь в спинку, а он тянется мимо меня в двери, до которой ещё не дошёл Глеб.

– Вали давай, – горячее дыхание касается губ, и он открывает дверь, возвращаясь на своё место.

Сглатываю ком в горле и глубоко вздыхаю.

Вот как они уродились братьями? Они же разные!

Глеб помогает выйти из машины и, спросив номер квартиры, провожает до двери. Даже постучался вместо меня, чем ошарашил Катьку, что открыла нам дверь. И снова она дома раньше меня. Во даёт.

– Давай, Малинка, отогревайся. Егор купит тебе новые очки, не переживай.

Киваю ему. Это хорошо, что Егор возьмёт на себя ответственность. Те были мои любимые очки.

– И как ты, дорогая, на работу попрёшь? – спрашивает Катька, перебивая Глеба и упирая руку в бок.

Вздыхаю и поворачиваюсь к нему.

– Спасибо, что подвёз, – улыбаюсь и машу на прощание.

– Работу? Ты работаешь? Я могу подвезти. Во сколько?

– Да не нужно, я дойду. Зонт возьму...

Глеб заботится обо мне, как и всегда. Я очень рада, что мы встретились.

– Да ты без очков, разве что, до первого столба доползёшь, – протестует Катька, – И работать как будешь? У тебя есть

номер начальницы, так давай позвоним ей. Как там её... Лада?

– Лада, – обречённо выдыхаю.

Получается это мой первый прогул? Блин, все из-за дурацкого Егора...

Поникнув, разглядываю свои руки. Мы всё ещё стоим у входной двери в квартиру.

– Да не парься. Кому в такую погоду цветы нужны? Думаю, эта Лада тоже всё понимает и войдет в положение. Спасибо, Снайпер, доставил мне Малину в целости и сохранности, – она делает низкий поклон и берёт меня за руку.

– Ты работаешь в цветочном у Лады? – спрашивает вдруг Глеб.

Киваю. Он может знать обо мне всё, что угодно. Хотя он и так знает очень много. Мой бро. До сих пор не могу прийти в себя от мысли, что мы, наконец-то, общаемся в живую. Правда я ещё не привыкла и так, как в переписке, то есть достаточно раскрепощенно, себя вести не могу. Хотя то, что происходило ещё недавно в машине... Ой, лучше не вспоминать.

Мне остаётся лишь кивнуть, а Глеб, почему-то, улыбается.

– Какой там номер твоей начальницы, давай я ей позвоню, – он пристально смотрит на меня, а я думаю, что Ладе точно не понравится, если ей позвонит кто-то другой.

– Давай я сама. С твоего телефона.

Он даёт мне свой телефон, и я, выудив бумажку с номе-

ром из мокрого рюкзака, набираю её номер. Но у меня не выходит из-за зрения, и в итоге мне помогает Снайпер. Прокашливаюсь и через три секунды слышу мелодичный голос:

– Да, дружок, что случилось, опять идею подкинуть? – она усмехается, а я теряюсь. Хмурюсь.

Она знает его номер? Дружок?

Перевожу на Глеба растерянный взгляд, а он подмигивает, улыбаясь. Я вижу это не совсем чётко, но он точно подмигнул мне!

– Лада, добрый день. Это Злата. Я работаю у вас...

– А, всё-всё, поняла. Злата, не переживай, сегодня можешь не выходить. Погода ужасная, лучше подготовься к парам. И... ты знаешь Глеба? Дай-ка мне его.

Стою в ступоре, не понимая, что происходит. Смотрю на своего Снайпера. И также непонимающе протягиваю ему телефон. Он берёт трубку и воркует с моей начальницей. Мы с Каткой переглядываемся.

– Да, я понял, Владу выскажу, нехер выпендриваться, – он смеётся, а моё сердце от этого смеха заходится в странном ритме. Какой же он классный. Смотрю на него, не в силах отвести взгляд, хоть и особо ни черта не вижу. – Все, давай. Прослежу, завтра выйдет. Не переживай, пей витамины, будущая мамочка.

Не отрываю от него взгляда, когда он заканчивает разговор. Шаги на лестнице отвлекают меня. Двигаюсь ближе к Катке, чтобы она решила эту всю ситуацию. Тут из-за пово-

рота появляется лицо Егора.

– Да вы охренели? – возмущается. – Я вас жду уже минут десять, думал вы сосётесь, – и странно смеётся, скидывая с головы капюшон толстовки.

Я отворачиваюсь от него, а Катька берёт и делает странное:

– Вы тут торчать будете, или чай пить пойдём? – в приглашающим жесте распахивает дверь шире.

– Я буду зелёный, – говорит вдруг Егор, и я хочу провалиться сквозь землю.

– Ты знаешь Ладу? – спрашиваю Глеба, отвлекаясь от дурацкого Егора.

Глеб пожимает плечами и смотрит на меня.

– Да. Она подруга нашей сестры.

– Лада? – спрашивает Егор, поднявшись к нам на площадку, и теперь стоит рядом со мной. – О, та, которая зелёная была? – начинает смеяться. – Вот я ржал, помню. Правильно Влад говорил: кикимора.

Снайпер подхватывает его смех. Катька берёт меня за руку и тащит в квартиру.

– Всё, идемте, нечего в подъезде стоять. У тебя вон уже, все губы синюющие.

Замечаю взгляд дурака, что сразу посмотрел на мои синюющие губы. И я их тут же поджала.

Захожу первая в квартиру, а близнецы следом за мной. И зачем только Катька их пригласила? Ну ладно Глеба, но Егора... Блин, не думала, что придётся сидеть с этим дураком за одним столом.

– Давай это мне и иди в ванную. Я принесу тебе сухую одежду, – говорит Катька и забирает у меня рюкзак со скетчбуком.

Поворачиваюсь и натыкаюсь на Егора. Вблизи вижу его взгляд. Он смотрит на скетчбук? Ну уж нет! Выхватываю его у подруги и, под её возмущения, ухожу в ванную вместе с ним. Через пару минут она стучится ко мне и, вместе с футболкой и штанами, приносит мои старенькие очки. Я уже успела забыть про них.

Умывшись, переодевшись и отжав волосы, я иду в кухню.

– Тебе какой чай? – спрашивает Катька, доставая чашки. Чайник во всю кипит. – Идите руки мойте, – командует она, и близнецы тут же уходят.

– Кать, зачем? – спрашиваю, следя за тем, как они скрываются в ванной.

– Что? – делает вид, что не понимает меня. – А, ну... Егор сказал, что ты шла по улице под ливнем, и они подобрали тебя. Должны же мы их отблагодарить? Там такая погода, что неизвестно, какая бы ты вернулась. Меня-то одноклассник

подкинул. Я уже думала вызывать такси и ехать за тобой, – в итоге наливает всем зелёный.

Слышим смех из ванной, затем удар, ругань, после чего наступает тишина. Близнецы молча выходят и садятся за стол. А я всё ещё стою. Решаюсь сесть рядом с Глебом, по пути достав из холодильника колбасу с сыром. Сделаю бутерброды, хоть Егор и не заслужил. И вижу в холодильнике кастрюлю с супом. Открываю, обнаружив там борщ, которого вчера вечером, да и сегодня утром, не было. Перевожу взгляд на Катку, которая насыпает в миску конфеты. Она спотыкается, наткнувшись на мой пристальный взгляд.

Вот прогульщица!

Прищуриваюсь, а она поджигает губы и продолжает насыпать конфеты. Ну ладно, есть очень хочется, и так не пообедала полноценно. Глеб с Егором о чём-то говорят, пока мы с Каткой накрываем на стол.

– О, я тоже суп буду, – выпаливает этот дурак, заметив, что я делаю. Блин, придется ещё и ему накладывать. Может отказать? А как? Мысленно рычу.

– Снайпер, – тихо произношу и, словив его взгляд, спрашиваю: – Ты будешь борщ?

– Спасибо, Малинка, – он кивает и подворачивает рукава рубашки.

Егор откидывается на спинку стула, сложив на груди руки, и с вызовом говорит:

– Я так понимаю, мне бы ты не предложила, да? – прищу-

ривает свои янтарные глаза. Такие же, как у его брата.

– С чего бы? Она же блоха очкастая, забыл уже? Какого хрена обзывал её, кстати? Влюбился? Решил таким образом за косички подергать? – спрашивает Катька и смотрит на него насмешливо.

– Пф, кто? Я? В неё? Упаси боже! – и он натывается на злой взгляд Глеба. – Да я просто... Прости, Злата, – берёт телефон и залипает в нём.

Ну ясно. Видимо Глеб всё же поговорил с ним, и обзывать капитан футбольной команды меня больше не будет. Ну и хорошо. Улыбаюсь и смотрю на Снайпера с благодарностью. Он тоже мне улыбается. Сердце стучит быстрее, а щёки краснеют, поэтому стараюсь сосредоточиться на борще и не выдать своё волнение.

Обедаем мы в абсолютной тишине. Кладу себе сметану, а следом за мной и Егор берёт её. Хлеб выбираю ржаной, а следом и Егор его берёт. Даже, когда выискиваю среди кучи конфет свои любимые, замечаю, что и дурацкий Егор тоже такие же ищет.

Раздражает!

Когда мы заканчиваем, и подруга моет посуду, она вдруг вспоминает, что у нас давно глючит телевизор. Не теряя времени, она просит ребят его починить.

– Егор, починишь? Хочу с Малинкой побеседовать, – Глеб, встав из-за стола, берёт меня за руку и ведёт в глубь квартиры.

– Э, почему я? – слышим с кухни возмущённое.

– Где твоя комната? – спрашивает Глеб.

И о чём он хочет поговорить? О том, что я чуть не разрушила нашу дружбу?..

Начинаю нервничать.

– Вот, левая дверь.

Мы заходим в мою комнату, и Глеб закрывает за нами дверь. Поворачивается ко мне и улыбается. И улыбка у него такая добрая. Затем обводит взглядом пространство в персиковых тонах и садится на мою кровать, немного откинувшись на локтях.

– Вот значит, как живёт моя Малинка, – произносит, смотря мне прямо в глаза. Смущает. Теряюсь и дыхание сбивается. Он ведь красивый, мой бро. Как и его брат, впрочем. – Садись, – он хлопает по мягкому светлому пледу рядом с собой. Медленно подхожу и сажусь рядом. Слишком близко. Наши ноги соприкасаются, и я держусь из последних сил, чтобы не отсесть подальше.

С чего бы мне бояться?.. Он ведь хороший. Я столько знаю о нём.

Он поднимается с локтей и упирает руки в колени, пальцами задев мою ногу. Шумно вздыхаю, а он усмехается.

– Ты такая милая, когда стесняешься, – он убирает руку и поворачивается ко мне всем корпусом. – Мы ведь друзья. Посмотри на меня, – берёт меня за плечи и поворачивает к себе. – Ничего я тебе не сделаю. Лучше расскажи, как узнала,

что Снайпер – это я.

– Что? – округляю глаза от такого вопроса.

Он смотрит на моё лицо и, кажется, рассматривает каждый его дюйм, из-за чего я невольно начинаю краснеть. Я в ответ не дышу, разглядывая его необычные глаза. Янтарь. Настолько чистый, что ни единой крапинки у зрачка не видно.

– Я узнала от Соньки, – говорю, хотя больше похоже на тихий шёпот.

– Соньки? – его бровь приподнимается. – Откуда ты знаешь эту мелочь?

– Эта мелочь – твоя сестра, вообще-то! – его слова меня задевают, и я толкаю его в плечо. Он смеётся и пронзительно смотрит на меня.

– Ну дак и откуда ты знаешь мою сестру? – делает ударение на последнем слове.

Вздыхаю. Ладно, пора выложить все карты. Рассказываю ему обо всём, что произошло за последний год. Как Оксана познакомила меня с тётей Таней, а та со своей дочкой Сонькой. Как мы с ней подружились, и что частенько я зависала у них дома. И даже была в их с братом комнате. Как семь месяцев назад Сонька сказала, что у её брата есть одна Малина, и с ней он больше общается, чем с собственной сестрой. Ну и что записан он в соцсети «Снайпер».

Вообще, он почти всё это знает. Но без имён.

Глеб меня внимательно слушал. Иногда удивлялся, иногда улыбался. Его странный пристальный взгляд меня немного сбивал с толку, но я продолжала. Рассказала всё без утайки. И даже не заметила, что рассказывала уже о том периоде, когда поступила. Про группу, Любу, обзывания Егора... Глеб хмурился, но слушал. А закончила я на том, как он назвал меня Малинкой у крыльца универа сегодня утром.

— А мы, оказывается, гораздо ближе знакомы, чем думали, — он делает глубокий вдох и падает на спину, закинув руки под голову. — Я давно тебя вычислил, прости. Ещё в том году. Так интересно стало, кем является мой друг. И спасибо, что поддерживала всегда, — он берёт одну мою руку в свою, вторую продолжая держать под своей головой. — Ты отличная подруга, и я рад, что мы, наконец-то, познакомились в живую.

Губы растягиваются в улыбке, и я отворачиваюсь, смотря прямо перед собой. Чувствую себя красной, словно рак. Вот же... Смущает меня. Рассматриваю собственную комнату, не зная, что и сказать. Слишком волнительно это всё.

— Кстати, про Егора. Он такой всегда. Я на него уже даже не злюсь, и тебя попрошу не злиться, — произносит Глеб, а у меня глаза расширяются по пять рублей, потому что я замечаю, как с мольберта скатывается тряпка, которая прикрывала его. — Он всегда знал про тебя. Про то, что у меня есть подруга по переписке. И год назад он увидел твою внешность. В общем, я собственно поэтому и спрашивал, знаешь ли ты

Золотого Егора. Ну он в своём репертуаре. Не удивлюсь, если ты ему понравилась. Я даже думаю, что так и есть. Не умеет он показывать чувства, может боится. Да и девушек не было у него постоянных.

Меня его слова уже не особо волнуют, потому что тряпка слетает полностью, обнажив свежий портрет, что я дорисовала на днях.

Соскакиваю с кровати, готовая провалиться сквозь землю, но Глеб мою руку не отпускает, а наоборот тянет на себя, и я падаю рядом с ним на спину.

Дверь резко распахивается в этот момент, ударяясь о стену, при этом ручкой царапая обои. Там и так уже видимый след и во мне плюс к смущению ещё и злость прибавляется от этого. Квартира ведь съёмная, и платить за ущерб потом не очень хочется. Лишний раз Оксану напрягать.

– Всё готово. А вы тут что делаете? – Егор-дурак заваливается ко мне в комнату, сканируя нас взглядом и идёт к креслу. Садится на него, наблюдая за нашими сцепленными руками, а затем делает оборот на кресле. Оно у меня на колёсиках, и я, иногда ища вдохновение на рисунки, катаюсь на нём. Он тормозит, когда его взгляд касается мольберта.

Какой позор...

– Это... это я? – спрашивает, разглядывая портрет, а мне плохо почему-то становится. И, честное слово, лучше бы он увидел скетчбук, потому что там рисунки не настолько детализированные! По сравнению с этим портретом там так –

наброски.

Нервы не выдерживают. Я готова расплакаться и испариться в воздухе. Прямо тут. И, если это увидел бы только Глеб, я бы ещё пережила. Всё же он мой друг, и я мечтала встретиться с ним. Рисовала его без какого-либо подтекста. Думаю, он бы меня понял. Всегда ведь понимал.

Но Егор... А собственно, чего мне переживать? Это ведь не он изображён.

– Нет, – произношу и замечаю Катку, что тоже заходит в комнату.

– Ой, – говорит она, окидывая взглядом нас с Глебом, Егора и портрет.

– А кто? – вот дурак, не может даже сообразить очевидное.

– Это я. Да? Ты рисовала меня? – Глеб тянет за руку, привлекая к себе внимание. – Клёво получилось, Малинка. Мне нравится, – смотрит на меня, улыбаясь, а затем хмуро на Егора.

– Что? А в скетчбук тоже он, что ли? – вводит меня в ступор Егор. Слишком серьёзное лицо у него, и я отворачиваюсь.

– Причём тут скетчбук? – спрашиваю, рассматривая Катку, что стоит у двери.

Догадка мелькает где-то на подкорке сознания.

А. Ой. Я же его в ванной оставила! Блин!

– Так. Всё, давайте не смущать мне Златку. Она уже вон

какая краснющая. Вы домой или... фильм посмотрим? Телек теперь работает, можем ноут подсоединить, – она пожимает плечами, а я молюсь, чтобы они ушли. На сегодня мне стресса достаточно.

Я стою в ванной комнате у зеркала и рассматриваю себя в отражении. Не вижу ни единой черты, способной сравнить меня с теми девушками, что находятся в компании Егора. Катька откровенно заявляет, что я ему понравилась. Я же искренне надеюсь, что она не права. Но меня сбивает и заявление Глеба, который предположил, что, возможно, я понравилась его брату. И меня это расстраивает. Нет ни малейшего желания быть в его вкусе.

Такой дурак, обзывающий меня, словно он ещё подросток. Спасибо Снайперу, что больше подобного я не слышу.

Плюю три раза через левое плечо и стучу по деревянной раме зеркала. Что ж, надеюсь это меня убережёт. Смотрю на скетчбук на стиральной машине и, отчаянно вздохнув, возвращаюсь в зал. На улице всё-то льёт, и уже поздний вечер. Угораздило же тупицу Егора предложить посмотреть именно сериал! Ещё и тот, что так мечтала посмотреть Катька. Это же когда они уйдут?..

Сажусь на своё место – между близнецами, и стараюсь переключиться на то, что показывают на экране. Ощущаю себя напряжённой до предела. Парфюмы близнецов абсолютно разные, но каждый приятен по-своему, что-то древесное и более мужественное от Глеба, и что-то нежное морское от Егора. Моё обоняние в восторге от того и другого, что не

сказать обо мне.

– О, смотри-смотри, он сейчас туда провалится! – выкрикивает Катька, ставя свой стакан с лимонадом на столик и в напряжении подаётся вперёд, чтобы точно не пропустить данный эпизод, напичканный экшеном.

– Да не, его должны спасти, – отвечает Егор, расслабленно облокачиваясь на спинку дивана, ставя ноги ещё шире, упирая одну из них в меня. Мне приходится двигаться ближе к Глебу, сжавшись почти до молекулы. Всегда думала, что наш с Катькой диван достаточно длинный. Сегодня я поняла, как глубоко ошибалась. – Я же говорил, – усмехается он, когда напряжение подруги проходит, и она выдыхает.

– Повезло, однако, – она снова тянется за своим стаканом лимонада.

В какой-то момент я начинаю зевать. Столько эмоций за день утомили меня и хочется скорее лечь спать. Надеюсь, они поймут это и свалят, наконец-то. Или Катька даст намёк валить. Хотя она скорее в лоб скажет.

Глеб первый замечает мои попытки прикрыть рот.

– Хочешь спать? – шепчет, чем щекочет мне ухо волосами. – Нам уйти? Ты только скажи, Малинка.

Осторожно кошусь на него и киваю. Неловко мне вот так заставлять уйти, но блин...

– Всё, Егор. Пора домой. Уже поздно, девчонки спать хотят, – он встаёт с дивана, потягиваясь и разминая шею.

– В смысле «всё»? – Катька удивляется, опять убирая ста-

кан на столик. – Тут пару серий осталось-то. Вам не интересно, что будет дальше? И, вообще, я спать не хочу.

Ну ё-моё...

– Я бы тоже досмотрел... – Егор не успевает закончить, потому что его перебивает Глеб.

– Злата спать хочет. Собираемся.

Моя благодарность к нему безгранична. Он, действительно, лучший бро в мире. А вот Катька – коза, конечно.

Проводив парней, мы пошли на кухню, где я попыталась разозлиться на подругу. И как обычно, у меня не вышло. Её доводы о том, что я должна была не молчать, а говорить о своей сонливости и усталости. И вообще – она не экстрасенс. Ну и напоследок – парни классные, можно было бы и продолжить тусоваться с ними. В итоге, выглядело всё, словно меня отчитывают. Я как воды в рот набрала, молча выслушивала, чтобы скорее уйти к себе в комнату и, наконец-то, лечь спать.

Нас прервал дверной звонок. Переглянувшись, мы пошли к двери обе. Уже поздно, и кто-бы это не был, оставлять подругу одну мне не хотелось. Я даже на нож поглядывала, молясь, чтобы это был не маньяк. Глазка у нас не было и оставить всё на самотёк – не правильно. Вдруг кому помощь нужна?..

– Кто там? – громко и грозно спрашивает Катька, хватаясь за ручку двери.

Слышу голоса близнецов и недоумеваю. Что произошло?..

Они заходят в нашу прихожую. Глеб мрачен, а Егор улыбается. Их одежда промокшая, а в руках Глеба какая-то странная коробка чёрного цвета с разными непонятными надписями.

— Не заводится тачка, — поясняет Егор. — И я замёрз. И голодный, — и лыбится во все тридцать два. Хотя я уверена, что у него их двадцать восемь, ведь он совсем не мудрый. Закатываю глаза, а потом смотрю на Глеба. Переживаю за его машину.

— Егор не выключил свет, магнитола и обогрев. Аккумулятор сел. Можно зарядить у вас?

— Да, конечно, — Катька приглашает их в квартиру, а я хмурюсь. — Я тогда суп разогрею, тоже проголодалась.

Странная она сегодня. Прямо святая Екатерина.

Сiju с ними на кухне и чувствую, что начинаю залипать. Катька, как ни странно, замечает это и отправляет меня спать, чему я очень рада.

Сначала мне тяжело уснуть. Я слышу приглушённые голоса и раскаты грома. Слышу, как ветви бьют по стеклу пластикового окна. Потом я всё же засыпаю.

Будит меня неистовое желание пить. Во рту пересохло, а ещё очень душно в комнате. Хотя отопление ещё не включили, и на улице холодно, что странно. Встав с кровати и нажав на выключатель, я понимаю, что света в доме нет. Наверняка отрубился из-за непогоды. Успели ли парни зарядить свой аккумулятор? Надеюсь...

По дороге в кухню больно ударяюсь ногой о тумбу в прихожей. До слёз в глазах. Зажмуриваюсь и прикрываю рот рукой, чтобы своим визгом не разбудить Катю. Ещё переживаю за Снайпера. Как он добрался домой по такой-то погоде? Надеюсь, он не заболит.

Доковыляв до кухни, иду к раковине, как внезапно гром, в сопровождении молний, пугает меня, и я всё-таки издаю короткий визг. А также слышу отборный мат, и как звонко падает на пол металлическая чашка, в которой мы с Катей обычно делаем салаты.

– Твою ж, Златка, напугала, – шепчет Катька, при этом кряхтит, пытаюсь в темноте нащупать упавшую чашку.

– Напугала? Да я сама чуть коньки не отбросила. Что ты тут забыла ночью, блин?

– Тшш... Парней разбудишь, говори тише, – возмущенно произносит и, встав на ноги, шумно вздыхает.

– В смысле, разбудишь? Они у нас?

О, нет. Этого ещё не хватало...

– Ага. Во всём доме свет вырубили, поэтому аккумулятор не зарядился. А, и ещё у нас всех сели телефоны. Вот странность, да? Не выгонять же их в такую погоду. Где твоё милосердие?

Она убирает чашку на место и уходит к себе, напоследок фыркнув, а я же иду, наконец-то, утолить жажду. Ничего не видно, особенно без очков. Возвращаясь обратно, выставлю руки вперёд, чтобы ненароком не удариться вновь.

Идя по длинному коридору, слышу скрип двери из зала. Я стараюсь не смотреть ужасики, чтобы потом моя фантазия не добавляла мне седых волос раньше времени, и стараюсь беречь свои нервы. Но тут от этого скрипящего звука мне вдруг становится ещё жарче, и я чувствую, как мелкие капельки пота скатываются по спине между лопаток.

Останавливаюсь и не издаю ни звука, пытаюсь прийти в

себя и списать всё на свой недосып и перенасыщенный на эмоции день. Лишь спустя пару минут я вновь продолжаю путь в комнату. Делаю всего пару шагов, как меня ловит какое-то чудовище. Сердце летит в пятки, а из горла готовится вырваться истерический вопль, но тут мой рот кто-то закрывает. Становится ещё страшнее, а потом это чудовище начинает говорить:

– Блять, тише ты, – слышу тихий шёпот Егора. Хотя внешне их тяжело отличить, но по голосу легко. По интонации точнее.

Услышав его, я ненароком расслабляюсь, а потом до меня доходит: Егор ночью в нашей с подругой квартире зажимает мне рукой рот!

Дергаюсь, пытаюсь отодрать его руку, но он, шумно выдохнув, начинает идти по коридору, таща меня вместе с собой. И останавливается уже в ванной комнате.

– Тише будь, Малинка, – говорит слишком серьёзно и отпускает меня.

– Что? – говорю так же тихо. – Что это значит? Зачем притащил меня сюда, я спать хочу, – шиплю на него, пытаюсь нащупать замок на двери, так как слышала, что он нас тут запер.

– Да не суетись ты. Мне в туалет надо.

Чего?!

– И? А я при чём?

Вот дурак, совсем не понимает, что он парень, а я девуш-

ка?!

– Мне страшно. У меня фобия, – его голос всё так же серёзен, и тут я слышу, как он поднимает крышку унитаза.

– Стой, стой, стой! – ору шёпотом, ищу в темноте его руки, чтобы остановить. – Фобия чего у тебя? Одному в туалет ходить?

– Ага, – он уворачивается от моих рук. – Я ж обычно с братом хожу, а он спит.

Я аж подвисаю от его ответа. Только вот через секунду слышу его тихий смех и следом:

– Шутка. Фобия темноты. Так что не отвлекай, постой у двери.

Звук расстёгиваемой ширинки заставляет распахнуть глаза, а щёки покраснеть даже будучи в темноте. Как же я ненавижу этого неандертальца...

– Я девушка! Прекрати сейчас же! И выпусти меня! – громкий шёпот оглушает в таком тесном пространстве. Реакции нет, и я боюсь того, что могу услышать дальше. – Егор, пожалуйста, я подожду за дверью, – умоляюще пишу.

– Точно? Обещаешь? – спустя пару секунд тишины отвечает этот дурак.

– Об-бещаю...

Конечно же, я тогда не сдержала такого глупого обещания и закрылась в своей комнате, надеясь, что он помер от своей фобии. Утром я встала раньше всех и, быстренько со-

бравшись, убежала на учёбу. И даже решила не выходить из аудиторий. Только, если в сопровождении Любы.

Старалась максимально избегать тупого Егора. Мне почему-то было жутко стыдно. Не знаю из-за чего: того, что чуть не произошло или того, что убежала, бросив его одного. Было очень грустно, что от своей трусости я могла не увидеть сегодня Снайпера.

Конечно, если бы я встретила его одного на перемене, я бы подошла и нажаловалась. Но он сам пришёл ко мне перед второй парой. Прямо в аудиторию. Он стоял в дверях, окидывая всех взглядом, чем вызывал шепотки, а у троицы, что также сидела передо мной и Любой, восхищённые вздохи.

– О, девчонки! Смотрите, Золотой пришёл! – восторженно и всё-таки громко сказала Кристина, поправляя свои волосы и при этом забрасывая одну ногу на вторую, развернувшись к проходу.

– Это Егор или Глеб? – спрашивает Рита.

– Да всё равно, они оба красавчики, – не отстаёт Эля, почти ложась на парту грудью.

Люба закатывает глаза, а Снайпер направляется в нашу сторону. На нём широкие чёрные часы, по которым я сразу поняла, что это не дурацкий Егор.

– Идёт к нам, девки! – пищит Кристина, и я чувствую, что моё лицо немного скошено от их странного поведения.

Он, улыбаясь, подходит к нам и садится на корточки, кладя локти на стол сбоку от меня. Все плятятся, и мне не по се-

бе. Лишь его шикарная улыбка придаёт мне смелости улыбнуться в ответ.

– И что он опять натворил, раз ты убежала ни свет, ни заря?

– Привет, кстати, – Глеб кивает Любе. Дождивается от неё приветствия и впивается в меня своим янтарным взглядом. Наклоняет немного голову, отчего прядь волос падает ему на лоб. Он убирает её небрежно и подмигивает. Красивый.

Как и его брат...

Тут же морщусь. Представляю, что он один ребёнок в семье.

– Привет, Глеб, – начинаю я и вижу, как наша троица сверлит нас взглядом. Определённо собирают слухи. – Может, выйдем?

Киваю в сторону выхода, и Глеб поднимается на ноги. Мы выходим в коридор под пристальные взгляды и тишину студентов. Останавливаемся у широкого подоконника. Сегодня на улице пасмурно, и повсюду лужи, поэтому я надела толстовку, шнурки от которой сейчас перебираю пальцами от нервозности.

– Малинка, я знаю своего брата. Жалуйся давай, – Снайпер усмехается, облачиваясь поясницей о подоконник и упираясь в него же руками по бокам от себя.

– Егор боится темноты? – спрашиваю.

– Раньше боялся, а что?

Вот же ж. Наврал? И чего он добивался?.. Какой-то странный. Теперь я больше боюсь его, чем ненавижу.

– Просто передай ему, чтобы он не подходил ко мне, ладно? – отрываю взгляд от пола и перестаю теревить шнурки толстовки. – Сейчас звонок будет, давай встретимся позже. Может... отвезёшь меня на работу в обед? – решаюсь попросить его, чтобы побыть с ним подольше.

– У тебя скоро день рождения, – он прекрасно знает, когда оно, и я сразу же вспоминаю какое сегодня число. – Я подарю тебе телефон.

– Нет! – произношу гораздо громче, чем хотелось бы, а затем выдавливаю улыбку. – Не вздумай, Глеб. Я не приму такое, ты же знаешь, – верчу отрицательно головой, обхватив себя за плечи.

– Ну тогда мне придётся прибегнуть к хитрости, Малинка, – и его загадочный взгляд меня ступорит. – Ты же ещё вчера спрашивала, что тебе сделать, чтобы я простил тебя. Правда?

– Да, – положительно киваю, сведя брови к переносице. Ещё бы, я ведь виновата перед ним.

– Ну вот. Моё желание – прими мой подарок, Малинка, – щёлкает меня по носу и, сунув руки в карманы, удаляется.

Блин! Подстава.

Мой день рождения будет через три дня. В эту субботу. Честно признаться, я забыла о нём. Нужно срочно купить себе телефон, чтобы Глеб не тратился на такой недешёвый подарок.

Возвращаюсь в аудиторию, но стоит подойти к своему месту, как передо мной появляется Кристина. Она показатель-

но жуёт жвачку, растягивая её на языке, и складывает руки под грудь, отчего та в открытом декольте приподнимается.

– Это чё было, очкастая? С какого ты с Золотым общаешься?

Набираю полные лёгкие воздуха, смотря на Любу. Ищу поддержку, а она как на зло, пожимает плечами. Показывает кивком на Кристину и проводит ладонью по шеи.

Она хочет, чтобы я уничтожила её? Как?..

– Ты оглохла, Блоха? – она смеётся, наклоня голову назад, и поправляет свои волосы. – Он же обзывал тебя. Чего это ты с ним общаешься? Тебе самой не стрёмно?

– Это Глеб, – сухо отвечаю, хотя внутри меня трясёт.

И спасает меня преподаватель, что заходит в аудиторию.

На лекции Кристина часто поворачивается, задавая мне разные вопросы, но Люба их блокирует, чем спасает меня.

После пары мы со старостой идём в столовую. Катька уже там, машет нам из длинной очереди. Быстро набираем себе обед и садимся за столик.

– Ты куда, кстати, упорхнула с утра пораньше? – спрашивает она, когда мы начинаем есть.

– Егор-дурак ночью такое вытворил, – отвечаю, вставляя трубочку в коробку сока.

– Что он сделал?

– Схватил меня ночью и утащил в туалет. Один боялся, – мой голос пропитан гневом.

– И? – спрашивает Люба, – У вас что-то было? – её лицо

кривится. Конечно, она ведь хотела стать девушкой Егора. А потом возненавидела его.

– Он хотел нужду справить. При мне, – заканчиваю тише, наклоняясь ниже к ним. Хотя в столовой слишком шумно, и меня не слышали бы, если даже постарались.

Катка начинает смеяться, а через пару секунд начинает и Люба.

Смешно им. Вот бы оказались на моём месте!

Слышу смех сбоку. Поворачиваюсь, натываясь на толпу студентов. Егор со своими друзьями. Глеба среди них нет. Он ловит мой взгляд и резко отворачивается. Сначала хмурюсь, а затем расслабляюсь.

Отлично. Значит Снайпер поговорил с ним. Ну и хорошо.

Третья пара проходит спокойно. Кристина только дёргается и пыхтит, сидя передо мной. После звонка прощаюсь с Любой, которой нужно к отцу, и спускаюсь к выходу. Уже будучи на первом этаже, ощущаю, как моё запястье кто-то стискивает. Разворачиваюсь, сталкиваясь взглядом с Элей.

– Иди-ка сюда, – произносит ядовито. Её голос шипит.

Она тащит меня назад от выхода. Студентов немного, и мой язык опять перестал меня слушаться. Она тянет меня к пустому углу, как вдруг меня хватают за вторую руку.

– Злата, нужно поговорить.

Этот голос вызывает злость. Егор. Эля отпускает меня. Я замечаю, как она смотрит на него и начинает тут же улыбаться, убирая недовольную маску с лица.

– О, привет. Егор, да? – совершенно забыв про меня, она мило улыбается, подходя к Егору ближе, и кладёт руку на его плечо.

Пожалуйста, пусть они останутся вдвоём, давая мне фору на побег! Ужасная ситуация...

– Отвали, – грубо отвечает, смотря на Элю, а затем переводит взгляд на меня. – Пойдём. Поговорить надо.

Мне, вообще, ничего не надо! Но как обычно, я молча следую за ним. Он останавливается у выхода, повернувшись ко мне лицом. Тут уже пусто и можно поговорить спокойно. Ладно, посмотрим, что он хочет сказать. Надеюсь, это будет извинение.

– Злата, – он говорит серьёзно.

Значит, я права?.. Только вот в следующую секунду, дверь распахивается, и кто-то шустро влетает в Егора сзади, который от неожиданности и удара подаётся вперёд, прямо на меня. Успевает лишь руки выставить в разные стороны, упираясь ими в стену. А я оказываюсь прижатой к стене в кольцо этих самых рук. И тут наши губы соприкасаются...

В шоке распахиваю глаза. Кажется, он шокирован не меньше моего. Резко отстраняется и отводит первым взгляд, прокашливаясь при этом.

Что только что произошло?..

Меня вдруг ведёт по стенке вбок, и он помогает мне поймать равновесие, обхватив одной рукой моё запястье, а затем ставит на место. Резко отстраняется, засовывая руки в карманы джинсов и, кивнув в сторону выхода, идёт туда.

Какая нелепая ситуация. Пока он не видит, вытираю губы тыльной стороной ладони и всё же направляюсь следом за ним. Сердце колотится, испугавшись, и щёки пылают. Даже руки мелко трясутся. Ужасное состояние от нелепого стечения обстоятельств.

Что ж, я никогда не назову это поцелуем. Это же не он, да?.. Капец. Дурацкий, дурацкий Егор! И я иду не за ним! Мне нужно найти Глеба, чтобы он отвёз меня в цветочный.

Направляюсь в сторону парковки, смотря под ноги и обходя все лужи. Прохладный ветер растрёпывает волосы, из-за чего уши начинают мёрзнуть. Накидываю капюшон, чтобы не продуло.

– И куда ты собралась? – взгляд натывается на белые кроссовки, подошвы которых испачканы из-за влажной земли. – Нужно поговорить, Злата. Давай выпьем кофе через дорогу.

Поднимаю на него взгляд. Но до лица не дохожу, останавливаюсь на его шеи. Из-за своего роста я не сильно ниже его. Может... сантиметров десять. Пытаюсь обойти его, при этом проигнорировав, но он загораживает мне путь снова. Шумно выдыхаю и говорю:

– Отстань от меня. Я не хочу пить с тобой кофе, – и голос мой на писк похож. Делаю ещё одну попытку его обойти, и на этот раз он меня не останавливает.

– А, ну отлично, – говорит мне в след. – Я тоже. Ну на всякий случай, извини за ночь.

Я оборачиваюсь, в шоке от его извинения, но он уже уходит в другую сторону. Облегчённо выдыхаю.

– Ничего себе... Егор извинился...

Разглядываю парковку, пытаюсь отыскать машину Глеба. Я не помню, как она выглядит, и мне приходится просто стоять в надежде, что он сам меня найдёт. Студентов мало, большинство уже разошлись. И я, наконец-то, вижу, как из универа выходит Глеб. С Викой Протасовой. Они мило беседуют, над чем-то смеясь, пока я, поджав губы, наблюдаю за ними.

Они направляются в мою сторону. Перешагиваю с ноги на ногу, пока жду их и тереблю шнурки толстовки.

– Не знаю, Вик, я подумаю, – говорит Глеб и останавливается напротив меня.

– Ладно, как скажешь, так и будет, – Вика тоже останавливается и переводит взгляд на меня. – О, первокурсница.

Приветик.

– Привет, – произношу тихо.

– Вика, это Злата – моя подруга.

– О, прямо подруга? – она улыбается, странно поглядывая на Снайпера. – А Егор знает?

– Знает.

– Ты уже пожаловалась на Егора своему другу? – спрашивает она меня, выделяя последнее слово.

О, точно. Она же слышала, как дурацкий Егор обозвал меня.

– Вик, прекращай. Подруга.

– Да ладно вам, – она смеётся, хлопнув Глеба по плечу.

– Ладно, мы торопимся. До завтра, – он обхватывает меня за плечи и разворачивает в сторону парковки.

– Пока-пока, – машет она рукой, продолжая сверкать улыбкой.

– Пока, – тихо прощаюсь, повернув голову в её сторону, и она подмигивает мне.

Доходим до его машины. Большая и белая. Теперь я обязательно запомню её. Улыбаюсь, когда он открывает мне пассажирскую дверь.

По дороге в цветочный мы обсуждаем всё на свете. И это так напоминает наши переписки, что я расслабляюсь. Чувствую, что счастлива в этот момент. Дорога занимает совсем немного времени, а хотелось бы, конечно, побольше. Но Глеб предлагает и забрать меня после работы. Естественно, я со-

глашаюсь!

Приятная музыка в магазине и запахи различных цветов только поднимают мне настроение. Тут большое разнообразие на самом деле, разве что роз нет. У Лады аллергия на них. Забавно...

Пританцовываю спиной ко входу, собирая очередной букет, и даже подпеваю. Всё равно у двери колокольчик, который оповестит о посетителе. Так ухожу в процесс создания прекрасного, что не сразу замечаю, что я не одна. Резко торможу, выпрямив спину, и поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов.

– И опять ты, – раздражённо проговаривает обладатель янтарных глаз, осматривая меня с ног до головы.

Да почему он злится-то?!

Поправляю свои старенькие очки и обхожу стойку, на которой обычно делаю различные комбинации.

– Это моя работа, – произношу, возвращаясь к букету. – А ты чего пришёл? Букет для девушки купить?

Да блин! Что это за дерзость в моём голосе? Совсем не похоже на меня.

Но букет у меня получается просто шикарным. Эх... Кому же достанется такая красота?..

Улыбаюсь, проворачивая его в руках, и сажусь на корточки, чтобы достать розово-голубую упаковочную бумагу. Думаю, такая в самый раз. Одной рукой держа стебли цветов, другой я расправляю бумагу. Локтем придерживаю её, чтобы не закрутилась обратно, и тянусь за ножницами. Присутствие Егора меня напрягает, но я стараюсь не обращать внимание. Пусть выберет, что хочет. Или спросит, тогда я подскажу. Тороплюсь с букетом, чтобы не пришлось потом вновь всё поправлять из-за этого дурака.

Что ж такое-то?..

– Подай, пожалуйста, ножницы, – прошу его, так как не могу дотянуться сама. Уже почти лежу на столе.

Смотрю на него и вижу, что он пялится на меня. Потом медленно переводит взгляд в сторону моей руки и, вытащив свою из кармана, берёт ножницы. Крутит на пальце их, про-

должая сверлить меня своими янтарными глазами. Вопросительно смотрю, приподняв бровь, и киваю на ножницы. Повторяет за мной, потому что тоже приподнимает бровь и, наконец-то, отдаёт мне их.

Шумно выдыхаю, чем показываю своё к нему отношение. Я, действительно, ненавижу его. Может и не всей душой, так как он всё же брат моего Снайпера, но чуть-чуть да ненавижу. Чего только стоили его оскорбления... И, вообще, он должен мне нормальные очки! Те, что сейчас на мне, недостаточно точные для моего зрения. И усугублять его я не намерена.

– Кстати, а когда ты купишь мне новые очки? – снова смотрю на него, отрезая нужный кусок бумаги. Он резко наклоняет голову в сторону, но молчит. – И выбирай уже цветы.

Хмурюсь, продолжая работать с букетом, потому что он напрягает всё сильнее. Молчит. Вот что ему надо? Где другие клиенты?.. Аж не по себе становится. Брр...

Отрезав нужное количество упаковки, хочу взять ножницы в другую руку. Чуть не рассыпаю цветы и, пытаюсь сделать всё и сразу, случайно режусь.

– Ауч! – дёргаюсь от боли, роняя эти проклятые цветы.

И совсем неожиданно для меня, этот неандерталец берёт мою руку и засовывает больной указательный палец себе в рот.

В рот! Какой ужас!

В шоке распахиваю глаза, чувствуя его горячий язык. Сглатываю, готовая расплакаться от очередной абсурдности. Блин, ну что за идиот?..

И, кажется, для него это тоже неожиданно. Он замирает, глядя на меня, а затем отдаёт мне мой бедненький палец. Слюнявый палец, на минуточку!

– Прости, – пожимает плечами. – Я всегда так делаю, – и взгляд отводит. Руки в карманы убирает и поворачивается в сторону выхода. – Пойду покурю. Доделай его, – указывает на букет. – Вернусь, оплачу.

А. Ну ладно. Хоть над душой стоять не будет. Сколько же бактерий у него во рту, раз он всегда *так* делает?..

Фыркаю и иду к сумке за пластырем. Утром я обнаружила влажный рюкзак, который так и не высох после ливня, поэтому пришлось брать сумку. Но перед этим иду промыть палец от слюней одного дурака.

Закончив, наконец-то, с букетом, слышу звук колокольчика. Егор вернулся, притащив с собой запах дыма. Отвратительно.

– С тебя семь тысяч, – именно в такую сумму оцениваю букет и жду, что он сейчас откажется. Он хоть и капитан футбольной команды, и многие девушки ходят вокруг него, но вот не богатый он. Просто обеспеченный. Да и не думаю, что работает. Тёть Таня, наверное, ему столько в неделю переводит, сколько я озвучила.

И пока я наблюдаю за ним, он спокойно достает деньги и

аккуратно кладёт передо мной. Улыбается ещё.

Что ж, допустим.

– Спасибо за покупку, – улыбаюсь в ответ, протягивая ему цветочки в розово-голубой упаковке. Блин, завидую его де-вушке. Они бы классно смотрелись у нас в кухне, там как раз голубые шторы.

– Оставь себе, Малинка, – подмигивает и удаляется.

– А? – непонимающе хмурюсь, так и морщины получить не долго. – Я тебе не Малинка!

– Как скажешь, воробушек, – поднимает одну руку, так и не повернувшись.

Воробушек? Спятил?!

Сжимаю букет, чувствуя, как начинают болеть зубы. Это я с такой силой их сжала. Мои бедненькие нервы. Он превращает меня в злюку, что ж такое-то?..

Смотрю на букет в своих руках минут пять.

Всё думаю, чтобы это значило?.. Он его мне, что ли, купил? Значит, Катька с Глебом были правы? Я нравлюсь неандертальцу?

Капец! Ладно, это просто красивые цветы.

Откладываю их и принимаюсь за следующий букет. Ближе в десяти вечера приезжает Лада. Она такая красивая, особенно ей идет её небольшой животик. Она пьёт чай, и мы болтаем до конца рабочего дня, время от времени отвлекаясь на клиентов.

– Ты купила букет? – спрашивает, когда я беру его и иду

за ней на выход.

– Это... друг подарил. Купил и отдал мне, – тушуюсь, смотря в пол. Конечно, семь тысяч. Выглядит, будто я укра-
ла его.

– Оу, какой у тебя замечательный друг, Злата, – она улы-
бается, выходя первой.

На парковке уже ждёт Глеб. Подходит к нам, обнимая Ла-
ду.

– Привет, ты за Златой? Правильно, нечего так поздно од-
ной ходить, – оборачивается ко мне. Я как раз закончила ста-
вить магазин на сигналку. – Твой *друг*? – спрашивает, ехид-
но дёргая бровями.

– А. Да, но не...

– Друг, друг. Не переживай, довезу в целости и сохранно-
сти. Как малыш?

– Все в порядке, спасибо, – она кладёт руку на живот. –
Мне нужно забрать Влада из караоке. Они там с Даней за-
висли, так что я поеду. Пока, ребята.

Помахав нам, она уходит к своей машине, а Глеб открыв-
ает мне дверь в свою. Забираюсь, размещая сумку и букет
на коленях.

– Это от кого? – кивает на цветы, как только садится ря-
дом.

– От твоего близнеца, – даже не смотрю на него, потому
что лицо покрывается краской. Я, конечно, не влюблена в
Глеба, но лучше бы он мне подарил букет.

Слышу тихий смех сбоку и резко поворачиваюсь.

– Что смешного?

– Я так и думал, – он заводит машину. – Ты ему понравилась. Скажу больше – похоже он влюбился.

– Не взаимно, да? – спрашивает Глеб, когда замечает моё скривившееся лицо и выезжает на дорогу.

Естественно, блин, не взаимно!

– Мягко сказано. Он же дурак, – произношу, смотря прямо перед собой. Уже стемнело и похолодало. Кажется, будто тёплые деньки больше не настанут. Ветер колышет деревья, и людей на улице сегодня меньше.

Минуту едем в тишине, а потом он внезапно говорит:

– Я тут с мамой говорил. Рассказал про тебя, ну и... В общем, про телефон спалил, она не знала. Ругалась, хотела бежать рассказывать Оксане твоей, – поворачиваюсь к нему в панике. – Короче, не будет она говорить ей, норм всё. Зайдешь домой, сразу ответь ей. Уверен, она уже настрочила тебе, – он тормозит у подъезда и поворачивается ко мне. – Похоже, ты ей очень нравишься, – хмыкает.

– Хорошо, – прижимая к себе сумку и букет, открываю пассажирскую дверь. – И спасибо... Снайпер, – легко улыбаюсь, думая о том, что он говорил с тетей Таней обо мне. Капец.

– Пока, Малинка, – широко улыбается в ответ и подмигивает, заставляя смутиться.

Захожу домой и чувствую запах свежей выпечки. Катька опять что-то кашеварит. И где только сил столько берёт?..

Хорошо, что нам пока не задают много домашки. Точнее, почти ничего не задают. Я бы не успевала ничего с работой-то.

– Вернулась? Быстро ты, – она выходит в коридор, вытирая руки полотенцем, и смотрит на часы на стене. – Четыре минуты одиннадцатого.

– Глеб подвёз, – снимаю кроссовки и вручаю букет Катьке.

– Ого, это мне? По какому поводу? – она ныряет носом в цветы и прикрывает блаженно глаза.

– Нет, это мне. Поставь, пожалуйста, в вазу. Переоденусь пока, сил нет.

– А от кого?! – кричит вслед.

Ухожу в комнату, оставив удивлённую подругу в коридоре. Скидываю сумку на кровать и иду к ноутбуку.

– Ну ничего себе, – шепчу, когда вижу, сколько сообщений мне отправила тётя Таня. Сначала о том, что переживает. Спрашивает, как я умудрилась сломать телефон. А потом ругается, что сразу не сказала. И ладно, она мне не пыталась звонить всё это время, что я в Москве. Оксана бы давно была в курсе. Из-за её работы проводницей, она частенько не на связи и лишь иногда пишет мне, а не звонит. У меня ведь и ночь может быть или пары. А потом я ей отвечаю в той же социальной сети.

Что ж, пишу ответ, что всё в порядке, и я нашла подработку. Ответ приходит через минуту, пока я переодеваюсь в домашнее.

О, нет. Они с Сонькой решили подарить мне телефон на

день рождения. У них это семейное, что ли?.. И отказы не принимаются, иначе они всё расскажут Оксане. А та точно отругает меня. Не хватало ещё, чтобы забрала из Москвы. Ну и ну...

Соглашаюсь, а после отвечаю Соньке. Она рассказывает про своих одноклассников и какого-то новенького, который её сильно бесит. Отчасти я её понимаю. Делюсь с ней подобной историей и чувствами, не упоминая её братика и, закрыв ноутбук, иду к Катке.

Букет и впрямь отлично вписался в интерьер голубой кухни. Мимолётная улыбка касается губ, пока я не отдёргиваю себя. Букет от Егора, вообще-то! Тут нечему радоваться.

– Ну рассказывай. Кто этот тайный даритель? – Катка уже налила мне чай, поставив рядом булочки, а сама опять что-то стряпает.

– Почему тайный? – сажусь за стол и отпиваю чай с лимоном. Ммм... ещё и с сахаром. Как, впрочем, и булочки. Не много ли сладкого на ночь?..

– Тогда рассказывай давай. Я жду.

– Егор подарил.

– Егор? – она поворачивается ко мне, отлипнув от своей стряпни. Широко распахнутыми глазами смотрит на меня, а затем хохочет. – Боже, какой же он, – вертит головой из стороны в сторону, забрасывая противень в духовку.

– Какой? Тупой? – с раздражением выплёвываю, откусывая сладкую выпечку. А сладкое и правда поднимает настро-

ение.

– Я хотела сказать «милый», вообще-то.

Садится напротив меня, уперев локти в стол, и тоже откусывает булочку.

– Вообще не милый. Скорее... противный, – а потом я перевожу тему подальше от Егора Золотого.

Утром на пару Люба заходит вместе с Агаповым. Они мило шушукаются, подходя к нашей парте.

– О, выздоровел?

– Ага, грёбаная ангина. Что я пропустил?

И всю первую лекцию они вдвоём, не прекращая, шепечут, пока я пытаюсь слушать преподавателя. К ним даже обращивается троица, что сидит перед нами. Фыркают и просят потише, хоть и сами обсуждают свой маникюр.

Удивительно, но и вторую пару староста с замом переговариваются. Хихикают и даже пишут записки друг другу, когда их отчитывает лектор. Они действительно подружились.

В столовой очередь просто нереальная.

– Как мёдом намазали, – возмущается Катька, складывая руки на груди, когда мы встаём в самый конец очереди.

– Надеюсь, мы успеем до звонка, – смотрю на Любу с Тимофеем. Его не было всего пару дней, а они наговориться не могут. Им очередь вообще до лампочки, стоят следом за нами.

– Что-то я сомневаюсь, что нам вообще еда достанется. Ты только глянь – все футболисты припёрлись, – кивает в

начало очереди, где стоит толпа веселящихся парней.

Чувствую звонкий шлепок, а следом и жар на своей попе. Давлюсь воздухом и непроизвольно краснею, а потом вижу, как мимо меня проходит Глеб и Егор, который тут же получает подзатыльник от брата. Они проходят мимо, не проронив ни слова, а Катька с ухмылочкой взирает на меня, продолжая держать сложенные руки на груди.

– Идиотский просто... – шиплю подобно змее.

– Ага, – это всё, что она выдаёт. Люба с Тимом даже не заметили ничего.

Кто дал ему право лапать меня?! Ненавижу!

Через минуту к нам возвращается Глеб.

– Привет. Что вам взять на обед? – он перечисляет меню и смотрит на нас, а я непонимающе в ответ. Катька, не теряя времени, делает заказ.

О, так нам не придётся стоять в этой дурацкой очереди?

– Я буду жаркое и вишнёвый сок, – говорю и поворачиваюсь назад, тыкая Любу в плечо, чтобы они тоже сделали заказ.

Мы благодарим Глеба и идём искать столик. Почти все оказались заняты, и нам пришлось сесть у дальней стены. Тим с Любой и Катькой ушли за заказом, а я осталась сторожить стол.

Вот это у Глеба память... Запомнил все четыре заказа.

Вижу, как в мою сторону направляется Егор. Теперь я их могу различить по мимике. У Егора она слишком меняющаяся и яркая.

И чего он идёт сюда? И очки мне так и не купил. Нужно напомнить Снайперу про это.

Он подходит с подносом еды и ставит его передо мной. На нём сок, тарелка еды, а также упаковка чокопая.

– Твой обед, воробышек. Приятного, – подмигивает и уходит обратно в начала очереди.

Беру в руки чокопай и непонимающе смотрю на его спину.

Так быстро перешёл с «блехи» на «воробышка»? С чем это связано, интересно?.. Если я и правда нравлюсь ему, то почему обзывал тогда?.. Я бы никогда не стала говорить что-то неприятное тому, кто был бы мне симпатичен.

Откладываю его угощение в сторону и жду ребят. Они приходят минуты через три, и, сев за стол, Люба вдруг вспоминает:

– Злата, у тебя же день рождения в субботу? Я тут составляла списки и увидела.

– А, кстати, да. Отпразднуем дома или в клубе отметим? – спрашивает Катька и берёт в руки ложку.

– Никакого клуба, – отрицательно мотаю головой.

– Ц, скучно.

– Я это не люблю, ты же знаешь.

– Говорю же, скучно-о.

– Думаю, можно дома, – отпив сок, смотрю на Любу с Тимом. – И хочу пригласить вас.

– О, спасибо за приглашение, мы придём. Да? – она поворачивается к Агапову.

– Без проблем, – отвечает он, кивая.

– Снайпера будешь звать? – Катька указывает ложкой на длинный стол, за которым сидят близнецы и ещё какие-то парни с девушками. Среди них даже Вика Протасова.

– Конечно. Он же мой бро.

– Снайпер! – она кричит, подняв вверх ложку, чем привлекает к себе внимание. – В субботу ждём на день рожде-

ния Малинки!

– Твою ж, ты чего творишь, – возмущаюсь сквозь зубы. – Обалдела?

– Да ладно тебе, – отвечает с улыбкой, всё ещё смотря на их столик.

– Мы придём! – выкрикивает ей в ответ Егор.

Егор! Только не это...

Прикрываю глаза от абсурдности.

– Ну вот, всё решили. Значит мне нужно накрыть стол на... шестерых.

Открываю глаза, а она загибает пальцы.

– Капец, блин. Зачем Егора-то?

– Я звала только Снайпера, – пожимает плечами, продолжая есть, а Люба с Тимом переглядываются с улыбочками.

Не уж-то и они догадались про бестолкового близнеца?..

Время до субботы пролетает незаметно. С утра учёба, потом Глеб подвозит меня на работу, а с неё обратно домой. Егора я не вижу. По словам Снайпера, он играет на соревнованиях по футболу и очень устаёт, поэтому ему не до учёбы.

Может он и на день рождения не сунется?..

В субботу утром меня будит звонок в дверь. Курьер. Он передал мне нежный жёлтый букет и блестящую коробочку такого же цвета. Это оказался подарок от Тёти Тани и Соньки. В коробке был телефон, записка и браслет из резиночек.

На кухне уже что-то готовила Катька. Увидев меня, она завизжала и, быстро включив песню на смартфоне, словно

готовилась, начала танцевать и петь песню про день рождения. Я смеялась до слёз от её завываний и движений. А, закончив, она запыхавшаяся подарила мне брендовый пакет. Я знала его и потому покосилась на подругу. Открыла его и впала в шок. Нижнее бельё и пижама, которые сто процентов стоят, как целое состояние. По крайней мере, для меня.

Засовываю сим-карту в новый телефон, который ещё и моего любимого розового цвета, и тут же вижу входящий от Оксаны. Оказывается, она пыталась позвонить мне уже час. Успокоила её тем, что он якобы разрядился. Она поздравила меня и перевела на карту денежный подарок.

Устанавливаю соцсеть и вижу там входящие заявки в друзья от Егора Золотого и просто Золотого. Второй наверняка Глеб. Это в другой соцсети он Снайпер, а я была Малиной. Тут же я Воробьёва Злата. Принимаю только Золотого.

– Давай не беси меня, – злится Катька, когда я не даю ей одеть меня.

Чулки в сетку, короткое зелёное платье, которое, как она говорит, подходит к моим глазам. Наряжает меня, будто не для домашней вечеринки на шестерых, а, как минимум, на красную дорожку! Она выпрямила мои волосы, и теперь они отдают невероятным блеском. Накрасила слишком ярко. Прямо как тогда – на выпускном в девятом классе. Я тогда пришла, и меня никто не узнал. В этот раз я отказалась от линз. У меня от них на том выпускном жутко болели глаза.

В общем-то, кроме стареньких очков мне ничего не уда-

лось отстоять.

Звонок в дверь, и я иду открывать.

– С днём рождения! – кричат синхронно Люба и Тимофей, вручая мне ещё один букет – на этот раз белый. Ещё сертификат в спа-салон и фен Дайсон.

Что ж, мне нравится.

Обнимаю каждого, а они расхваливают мой внешний вид. Ещё бы – такой меня никто не видел.

Проходим на кухню, где Тим передаёт пакет Катьке. Там вино и шампанское. Катька смотрит на меня, прося разрешения, а я что? А я даю это разрешение. Пусть веселятся, если хотят, главное не ругаться.

На телефон приходит уведомление. Я так отвыкла, что сначала даже не соображаю, что это мне. Снимаю блокировку и натываюсь на сообщение от Егора. Я не добавила его в друзья, но его это не остановило. Открываю и вижу картинку: воробей, к которому, явно в фотошопе, приделано моё лицо.

Капец. Дурак! Ненавижу его! Кто так поздравляет-то? Ещё и надпись «С днём рождения, милый воробушек». Идиотский просто...

Когда он выйдет из этой квартиры, я добавлю его в чёрный список.

Люба помогает Катьке накрывать стол, Агапов открывает вино, а я нервничаю. Сейчас должен прийти Снайпер. Не будем думать о том, что со своим братом.

Нервно сжимаю пальцы, сидя за столом в нашей с Катькой гостиной. Мы перенесли наш раздвижной стол из небольшой кухни, и сейчас всем хватает места. Глеб рассказывает уже третий по счёту анекдот, а ребята заливаются смехом. Но что самое странное – Егор. Он не смеётся с остальными, а лишь улыбается. Задумался?.. Не смотрит на меня, и я, конечно же, этому рада, но это у меня ведь праздник, да?

Хмуро смотрю на то, как он ест. У него очень хороший аппетит, словно он голодал неделю, прежде чем сюда заявится.

И, вообще, он что, пришёл пожрать вкусной домашней еды? Пфф... Не хотела бы я себе такого парня футболиста проглотить.

Злата, тебе, вообще-то, никто и не предлагает, – говорю себе мысленно.

Надеюсь и не предложит. В противном случае, как мне отказать?.. Ни разу с таким не сталкивалась. Ой, пусть вообще не подходит ко мне.

Он замечает, как я пялюсь на него, и его напиток идёт ему не в то горло. Резко отворачиваюсь и тоже смеюсь со всеми.

Капец! Слишком наигранно, что приходится прокашляться и начать пить сок, отвлекаясь. Блин, неловко было. Чем это я его так удивила? Внешним видом? Он не оценил, так почему, вообще, я ему могу нравиться?.. Бред какой-то...

Глеб с Егором выходят на балкон, чтобы покурить, Катька с Тимом ушли за вином на кухню, а Люба вдруг спрашивает: – Ты собираешься простить его за то видео и кличку? – кивает в сторону балкона.

Поджимаю губы, тоже смотря на балкон. Близнецы о чём-то говорят, толкая друг друга плечами, и я слышу их смех через стекло.

Я ведь знала, что у моего анонимного бро есть близнец. Я многое забыла, но... Сейчас в голове всплывают моменты из прошлого. Однажды мне даже удалось вести диалог с братом Снайпера, так как он сам должен был срочно закончить работу, а мне требовалось общение после долгой скорби по родному человеку. Хотя я не говорила прямо об этом, но сейчас понимаю... Глеб заботился обо мне и не давал грустить. Получается... мы уже общались с Егором. Почти три года назад. Это продолжалось целый месяц. Периодически, когда Глеб отходил куда-то, он говорил о том, что его брат будет рад поболтать со мной. А я была не против, ведь жаждала общения. В живую, например, в школе мне было некомфортно, а в сети – пожалуйста.

Задумавшись и удивившись своим же воспоминаниям, я не заметила, как все уже сидят на своих местах, и Люба щёлкает пальцами перед моим лицом. Моргаю и делаю глубокий вдох.

– Потом продолжим, – шепчет она мне и подмигивает, возвращаясь к еде.

Начинаются непрекращающиеся тосты. Желали хорошей учебы, здоровья, но блин! Много-много любви и крутого парня! Крутого! Капец...

Парни дважды ходят в магазин за добавкой. Когда они в очередной раз уходят, я кое-что замечаю.

– А почему Егор не выпивает с вами? – спрашиваю у девчонок.

– Да кто ж его знает, – пожимает плечами Катька, выбирая следующую песню, которую они с Любой собрались петь.

– Может он за рулём? Глеб ведь пьёт. Или они на такси? – голос Любы стал непривычным. И щёки покраснели.

Спустя ещё пару часов, когда на улице уже стемнело, я выпиваю таблетку от головы. Слишком шумно, слишком жарко и, если честно, ноги от танцев гудят так, что хочется лечь и заснуть. В этом коротком дурацком платье танцевать просто невозможно, но кому я что докажу? Всем весело, значит мне тоже. Ещё и дурацкие чулки в сетку... Ощущение, что они стянули мои ноги, и теперь кровь там неправильно циркулирует.

Вскоре старосте стало совсем плохо, и мы уложили её спать в гостиной, а сами перенесли всё в кухню. Её отец строгий, и она отпросилась с ночёвкой, чтобы не показываться перед ним в таком виде. А Агапов, вообще, в общаге живёт, где комендантский час настал уже давно, поэтому он тоже остаётся у нас.

Катька взяла в оборот Глеба. Узнала, что он неплохо тан-

цует и попросила участвовать с ней в конкурсе красоты, на этапе, где нужен парный танец. Люба даже проснулась, придя к нам на кухню и выпив ещё несколько глотков вина. Они спорили, Глеб смеялся, а мы с Егором даже пару раз переглянулись. Но я сразу отворачивалась. Он тот, кто тоже не пил, как и я, но не тот, с кем я желаю разговаривать. Люба права – извинений за видео я не получала. И вспоминая, как надо мной смеялись одноклассники, становится очень обидно.

Сейчас в кухне стояло четыре букета. От близнецов был розовый, яркий, большущий! А ещё... та-дам! Графический планшет, о котором я в тайне мечтала. Даже Катька не знала. Не хотела я, чтобы она так на меня тратилась, правда она всё равно подарила мне дорожечное бельё, блин. Коза. А вот Снайпер был в курсе. Я же не знала, что однажды мы встретимся в живую.

– Ой, что-то я перебрала, – ворочает языком Катька, вставая со стула. – О-о-о...

Её ведёт, и она чуть не падает, но Глеб сидит рядом и помогает ей удержать равновесие. Он и сам не трезв. Сказал, что давно не пил. В наших переписках он, вообще, всего пару раз упоминал о похмелье. Ну... на моей памяти, а то общение с близнецом Снайпера я как-то позабыла же.

– Я отведу тебя, – Снайпер встаёт, придерживая подругу, и они разворачиваются.

– Может лучше ты? – говорю Егору, сидящему сбоку от меня. Тим уже спит на надувном матрасе, рядом с диваном,

на котором улеглась староста.

Егор медленно переводит на меня взгляд. Это, наверное, первое, что я ему сегодня сказала. В принципе, как и он смотрит на меня впервые за весь день, ну не считая, когда они пришли и подарили мне подарок. А, ну да, я ему ещё за это «спасибо» сказала.

– Поздно, – смотрит неотрывно в мои глаза. Сглатываю, понимая, что мы остались вдвоём. Ну ничего, сейчас придёт Глеб, и они уедут, а я пойду, наконец-то, спать.

Молчу, стараясь не смотреть на Егора. Глеб так и не появляется. Минуту, пять, десять. Напряжение между нами растёт, по крайней мере я его чувствую.

– Ладно. Уже поздно, вам пора домой.

Надеюсь, он понял мой намёк и свалит по-хорошему. Хотя, что я ему сделаю в противном случае?.. Слишком мягкая, за что иногда ругаю себя.

Хорошо отметила день рождения. Было весело. Тим предлагал поиграть в твистер, но потом про это все быстро забыли. И отлично. Не представляю, как в него в таком виде играть. За вечер уже замучилась поправлять платье. Всё время задирается.

– Злата, – низкий голос заставляет посмотреть на него. – У меня есть подарок для тебя.

– Вы же подарили уже? – хмурюсь, смотря на Егора. Вижу, как разглядывает моё лицо, а потом достаёт из кармана толстовки чехол яркого розового цвета.

– Что это? – хмурюсь ещё сильнее, а потом до меня доходит, что это чехол из-под очков. – Очки? – удивлённо вскидываю брови.

Кивает, немного нагнувшись вперёд и кладёт на стол передо мной.

– С днём рождения. Выглядишь шикарно.

Его лицо серьезное, и это навевает на м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.